ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 44 | 15 ИЮЛЯ 1903 ГОДА | № 44

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, «признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Такое программное требование многим казалось недостаточно ясным, и в № 33, говоря о манифесте армянских соц.-демократов, мы об'яснили значение этого пункта следующим образом. Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.

Такое толкование нашей программы по национальному вопросу вызвало решительный протест со стороны Польской Социалистической Партии (П.П.С.). В статье: «Отношение российской социал демократии к национальному вопросу» («Przedswit», март 1903 г.) П.П.С. возмущается этим «удивительным» толкованием и «туманностью» нашего «таинственного» самоопределения, обвиняет нас в доктринерстве и в «анархическом» взгляде, будто «рабочему нет дела ни до чего, кроме совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык, национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы» и пр. Стоит остановиться со всей подробностью на этой аргументации, обнаруживающей едва ли не все столь обычные и столь распространенные недоразумения среди социалистов по национальному вопросу.

Почему так «удивительно» наше толкование? Почему усматривается в нем отступление от «буквального» смысла? Неужели признание права на самоопределение наций требует поддержки всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание права всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас, социал-демократов, поддерживать образование всякого нового союза, вовсе не мешает нам высказываться и агитировать против нецелесообразности и неразумности идеи образовать такой-то новый союз. Мы признаем право даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) против союза иезуитов и пролетариев. Поэтому, когда «Przedswit» говорит: «если это требование свободного самоопределения должно быть понято буквально (а такое значение ему мы доселе придавали), в таком случае оно бы нас удовлетворило», — то совершенно очевидно, что от буквального смысла программы отступает именно П.П.С. Нелогичность ее вывода с формальной стороны несомненна.

Но мы не хотим ограничиться формальной проверкой нашего толкования. Поставим прямо вопрос и по существу: безусловно ли должна социал-демократия требовать всегда национальной независимости или лишь при известных условиях и при каких именно? П.П.С. всегда решала этот вопрос в пользу безусловного признания, и нас нисколько не удивляет поэтому ее нежность к русским социалистам-революционерам, которые требуют федеративных государственных порядков, высказываясь за «полное и безусловное признание права на национальное самоопределение». («Рев. Россия» № 18, статья: «Национальное порабощение и революционный социализм»). К сожалению, это не более как одна из тех буржуазно-демократических фраз, которые в сотый и в тысячный раз показывают настоящую природу так наз[ываемой] партии так называемых социалистов-революционеров. Поддаваясь на приманку этих фраз, прельщаясь этой шумихой, П.П.С. в свою очередь доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы подчинять требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости.

Если нужно еще доказывать, что марксист не может иначе как условно, и именно под указанным выше условием, признавать требование национальной независимости, то мы приведем слова писателя, защищавшего

с марксистской точки зрения выставление польскими пролетариями требования независимой Польши. Карл Каутский писал в 1896 году в статье «Finis Poloniae?»: «Раз только польский пролетариат займется польским вопросом, он не может не высказаться за независимость Польши, он не может, следовательно, не приветствовать каждого шага, который уже теперь может быть сделан в этом направлении, поскольку такой шаг вообще совместим с классовыми интересами международного борющегося пролетариата.

«Эту оговорку, — продолжает Каутский, — во всяком случае необходимо сделать. Национальная независимость не так неразрывно связана с классовыми интересами борющегося пролетариата, чтобы должно было стремиться к ней безусловно, при всяких обстоятельствах*, Маркс и Энгельс с величайшей решительностью выступали за об'единение и освобождение Италии, но это не помешало им высказаться в 1859 году против союза Италии с Наполеоном» («Neue Zeit», XIV, 2, S. 520).

Вы видите: Каутский категорически отвергает безусловное требование независимости наций, категорически требует постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся к постановке польского вопроса Марксом и Энгельсом, то мы увидим, что именно так ставили его и они с самого начала. «Новая Рейнская Газета»[1] уделила много места польскому вопросу и решительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германии с Россией за свободу Польши. В это же самое время, однако, Маркс обрушился на Руге,[2] который говорил за свободу Польши в Франкфуртском парламенте, решая польский вопрос при помощи одних только буржуазно-демократических фраз о «позорной несправедливости», без всякого исторического анализа. Маркс не принадлежал к числу тех педантов и филистеров от революции, которые всего больше боятся «полемики» в революционные исторические моменты. Маркс осыпал беспощадными сарказмами гуманного гражданина Руге, показывая ему на примере угнетения южной Франции северною, что не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости. Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых «Польша сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии... Покуда мы (немцы) помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии, — мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии».

Мы процитировали эти заявления так подробно, ибо они наглядно показывают, при каких исторических условиях сложилась та постановка польского вопроса в международной социал-демократии, которая держалась почти всю вторую половину XIX века. Не обращать внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации. Тогда и теперь — эпоха последних буржуазных революционных движений и эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской — отличаются между собою самым явным образом. Тогда революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы, память Домбровского и Врублевского[3] неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих. Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. Теперь правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах, а наряду с польским пролетариатом, геройски перенявшим великие традиции старой революционной Польши, борется за свое освобождение пролетариат немецкий и русский. Теперь передовые представители марксизма в соседней стране, внимательно наблюдающие политическое развитие Европы и полные сочувствия к геройской борьбе поляков, признают тем не менее, прямо: «Петербург сделался в настоящее время гораздо более важным революционным центром, чем Варшава, русское революционное движение имеет уже более крупное международное значение, чем польское». Так отозвался Каутский еще в 1896 г., защищая допустимость требования восстановления Польши в программе польских социал-демократов. А в 1902 году Меринг[4], исследуя эволюцию польского вопроса с 1848 года по настоящее время, пришел к такому выводу: «Если бы польский пролетариат захотел написать на своем знамени восстановление польского классового государства, о котором и слышать не хотят сами господствующие классы, то он разыграл бы историческую шуточную комедию: с имущими классами такое приключение бывает (как например, с польским дворянством в 1791 году), но рабочий класс не должен опускаться до этого. Если же эта реакционная утопия извлекается на свет божий для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агитации те слои интеллигенции и мелкой буржуазии, среди которых находит еще известный отклик национальная агитация, тогда эта утопия вдвойне заслуживает осуждения, как проявление того недостойного оппортунизма, который приносит в жертву ничтожным и дешевым успехам минуты глубокие интересы рабочего класса.

«Эти интересы категорически повелевают, чтобы польские рабочие во всех трех государствах, разделивших Польшу, боролись вместе со своими товарищами по классовому положению плечо с плечом, без всякой задней

* Курсив наш.

мысли. Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу; в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи».

Мы вполне подписываемся под таким выводом Меринга. Заметим только, что этот вывод остается безупречно правильным и в том случае, если в аргументации мы не пойдем так далеко, как идет Меринг. Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть. Напрасно старается П.П.С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в П.П.С. действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопроса у П.П.С.: ... «мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». Или еще: ... «мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России». Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. Так как одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической эволюции является восстановление Польши, поэтому польский пролетариат не должен бороться совместно с русскими за низвержение царизма, а «лишь» за ослабление его путем отторжения Польши. Так как русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецкими, австрийскими и т. д., поэтому польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против одного и того же гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться П.П.С., в отличие от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее — пролетариата — и за общего союзника ее — царя. А зато распадение сил пролетариата, страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки П.П.С., прямым результатом ее преклонения пред буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распадение пролетариата, П.П.С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русских социал-демократов следующим образом: «Мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет». Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу. Если, признавая это право, мы подчиняем нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может об'яснять нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетариата к буржуазии. П.П.С. смотрит так, что национальный вопрос исчерпывается противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия. «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия предает интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти. И вот почему, не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения.

То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов

разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освещать этого безобразия никакими «принципами» партийной особности или партийной «федерации». Проще и легче, конечно, итти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: «моя хата с краю», как хочет теперь устроиться и Бунд. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках, тем меньше склонны мы довольствоваться «простым», но кажущимся и глубоко-фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью в лагере пролетарской партии, — тогда не надо и фиговых листочков «федерации», тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна «сторона» не хочет в сущности и решать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать в необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее об'единяющейся буржуазии.

[Н. Ленин]

«ГУМАННЫЙ» ЗАКОН И «СЕРДЕЧНЫЙ» ЦИРКУЛЯР.

«Новый гуманный закон», так называет либеральная газета «Право»[5] закон об отмене для ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев бритья голов, наказания лозами, плетьми и прикованием к тележке.

Либеральная газета приводит кое-какие справки по истории вопроса об отмене этих варварских мер расправы с «отверженными». В 1867 году — 36 лет тому назад — министерство вн. дел проектировало отменить для ссыльных наказание плетьми и шпицрутенами (теми самыми шпицрутенами, о которых в своей речи на суде говорит т. Денисов). Государств. Совет отклонил это предложение, найдя его несвоевременным, но признал необходимым приступить к устройству одиночных тюрем для ссыльных женщин, чтобы для них, по крайней мере, заменить другими карами позорное телесное наказание. Только через десять лет после этого были отменены для всех ссыльных шпицрутены, а еще через 16 лет — в 1893 году — спохватились, наконец, исполнить выраженное в 1867 г. намерение — освободить ссыльных женщин от двойного для них позора телесных наказаний. Немудрено, что «Право» говорит о черепашьем движении законодательства о ссыльных. Цепко держится самодержавие за свои «исконные устои» — кнут, плеть и розгу.

Для ссыльных мужчин розга, лоза и плеть остались в полной силе, и от прихоти любой сибирской административной сошки зависело щедро применять их. Сибирь оставалась одним из трех главных питомников, в которых русский народ на законном основании воспитывается розгой: рядом с нею стоят волостное правление, где розга хлещет над спиной «освобожденного» мужика, и казарма, где истязается носитель самого, если верить патриотам, благородного звания — солдат. Этих трех «законных» питомников розги было вполне достаточно, чтобы отравить всю общественную жизнь русского народа, чтобы сделать возможным появление на сцене розги всякий раз, как тот или другой царский башибузук находит, что настал момент оставить в стороне всякую «законность». И управители и управляемые — по крайней мере, масса их — воспитывались в терпимом отношении к розге, царившей в остроге, в казарме, в волости, и это терпимое отношение позволяло царевым слугам, не встречая серьезного противодействия, расширять область господства розги для потребностей борьбы с разными «внутренними врагами». Секли крестьян, не «покоряющихся» помещику, секли рабочих-стачечников, секли сектантов, секли даже политических демонстрантов. Розга стала необходимой формой проявления «самодержавного принципа». Представитель этого принципа — местный администратор — чувствовал, что идею безграничности власти самодержавия он ничем не может выразить лучше, как свистом розги в те моменты, когда эта власть и охраняемый ею «порядок» подвергаются опасности.

А между тем, жизнь, не слушаясь начальственных препон, развивалась и становилась во все более острое противоречие с розгой. Молодое поколение крестьян отказывалось спокойно ложиться по приказанию «старичков», солдаты отвечали на телесные истязания самоубийством, даже арестанты протестуют против розги. Общественное сознание стало видеть в розге воплощение царящего на Руси произвола и мрака и потребовало уничтожения этого позора. С'езды врачей и педагогов, земские собрания и печать соединились в этом требовании. И именно потому, что они на нем соединились, именно потому, что отмены розги потребовало все, что тяготеет к свету и свободе, самодержавие вынуждено было открыто об'явить, что оно связало свою судьбу с розгой, что этого украшения своего герба оно не отдаст добровольно. Самодержавие признало, что отказаться от розги значит поощрить все другие требования поборников свободы и культуры. Чувствуют политики самодержавия, что добровольный отказ от розги может поднять его популярность в населении, но они чувствуют также, что эта уступка в то же время и в еще большей мере поднимет самосознание народной массы и ее протестующих элементов и что избавленное от розги население еще острее почувствует необходимость освежения всей русской жизни, которую самодержавие наполнило смрадом.

То, что самодержавие не успело сделать в области культуры, когда оно еще было сильно, оно теперь уже не может сделать, не рискуя расшатать свои «устои». Дело стало так, что всякая уступка требованиям жизни, всякая уступка духу времени, всякая поблажка новым потребностям выросшего народа должна усилить натиск протестующих элементов на самодержавие. Жизнь с каждым днем становится все революционнее, все непримиримее заявляет она о своих правах. Стало быть, кто не желает содействовать революции, должен написать на своем знамени: долой жизнь! и да здравствует розга! И он должен заявить это громко даже тогда,

когда, чтобы блеснуть своим «либерализмом», намерен выкинуть жизни маленькую уступочку. Уступка — уступкою, а принцип должен быть свят.

Новый «гуманный» закон, делающий такую уступку, как отмена плетей, бритья и приковывания к тачке, как нельзя яснее утверждает, что самый принцип розги остается неприкосновенным. Читая этот новый закон, то-и-дело встречаешь пункты: за такой-то проступок ссыльный подвергается стольким-то ударам розги. Плеть отменена, розга остается. Остается в пределах до ста ударов! Спины каторжан и поселенцев попрежнему будут подвергаться «дублению» розгой. И — что всего интереснее — розга оставлена как наказание за «мелкие» проступки: за более тяжкие грехи устанавливается усиленное одиночное заключение, карцер, удлинение срока работ и проч. Таким образом, самое унизительное нравственно и самое мучительное физически наказание остается для провинившихся в «мелких» проступках и потому самому предоставляется усмотрению и произволу мелких же начальственных сошек, распоряжающихся участью ссыльных. Ничем нельзя было лучше проявить свое пристрастие к розге, как приурочив ее к наиболее мелким, а следовательно, и к наиболее частым проступкам; ничем нельзя было лучше подтвердить тесную связь между розгой и всероссийским произволом, как предоставив ее произволу многих маленьких сибирских царьков. И ничем лучше нельзя было засвидетельствовать о полном варварстве российских порядков, как издавая в третий год XX века новый закон, в котором через каждые несколько строк раздается свист розги!

Вы правы, господа: издавая «гуманные» законы, вы не можете и в них не упомянуть о розге, вы не можете и их положениями не осветить еще раз этого проклятия русской жизни! Без розги нет самодержавия! Нельзя устранить розгу из обихода жизни сибирских «лишенцев», оставляя ее в то же время для нелишенных по суду своих прав русских крестьян! Нельзя отказаться от розги в остроге, не отказавшись от нее в казарме! Нельзя вырвать розгу из рук исправника и тюремного смотрителя, оставляя ее в руках фон-Валей, Оболенских, Андреевских и Энгельгардов! А вырвать ее из всех этих рук значило бы посягнуть на главные основы самодержавия, которое может теперь держаться только терроpом (правительственным), только мерами самого грубого и жестокого насилия... Розга в Сибири перестанет царить только тогда, когда придет конец ее господству во всей России и гг. Романовы сойдут со сцены русской жизни, унося в своем гербе неприкосновенную лучшую эмблему их «принципа».

Нечего и говорить о том, что «гуманный» закон, упраздняя некоторые виды телесного истязания, заменяет их такими мерами обуздания «злой воли преступника», которые к гуманным не могут быть причислены. Современный взгляд даже буржуазных мыслителей требует, чтобы «преступника» не столько обуздывали, сколько перевоспитывали. С этой точки зрения средствами борьбы с «закоренелыми» преступниками являются не карцеры, не усиленные каторжные работы, а такие общие меры, которые улучшают всю обстановку тюремной жизни, приучают арестантов к полезному труду и человечному обращению. Этот взгляд, разделяемый и буржуазными мыслителями, однако не находит широкого применения на практике и более свободных стран, чем Россия. Буржуазный строй не может осуществить такой истинно-гуманной реформы. Стремясь сделать условия жизни пролетария чисто острожными, он не может поднять слишком высоко условий жизни острожных обитателей и попрежнему, вопреки всем гуманным проповедям специалистов, тюрьма и на Западе является «миром отверженных», а уголовный преступник «воспитывается» страхом и лишениями точно так же, как проститутка воспитывается общественным опозорением. Буржуазный строй поэтому не может действительно искоренить основные причины преступности, как не может искоренить причин алкоголизма и проституции. Со всем этим общественным злом может бороться только пролетариат, который самым расширением своего классового движения предохраняет от этих бедствий все более широкие слои народа и который, усиливая свое влияние на законодательство, сумеет провести те истинно-гуманные реформы, которые отнимут у нынешних тюрем их несомненный характер рассадников новых преступлений.

* * *

«Гимназист закурил!», так приблизительно можно охарактеризовать настроение, охватившее учительскую среду и нашедшее себе выражение в распубликованном в газетах циркуляре мин. нар. просв. Зенгера от 28 июня. Циркуляр открывается указанием на приходящие из учебных округов донесения, «свидетельствующие об упадке дисциплины в средне-учебных заведениях и отчасти в городских училищах, о распущенности воспитанников некоторых из этих заведений, а также о вредном направлении мысли среди учащихся в старших классах». Из дальнейшего видно, что именно возбудило тревогу в сердце министра: тут и отказ учеников от «исполнения начальственных требований», и «действия скопом», и «грубые дерзкие выходки» против учителей, и «противоправительственная пропаганда», и, в конце концов, все-таки... курение табаку и тому подобная «распущенность». Подумайте только: «ученики успели свыкнуться с мыслью, что открытое курение на улицах, нарушение установленной формы одежды, неотдавание чести попечителю, губернатору и генерал-губернатору» не преследуется начальством. Ужасно! «Основы» потрясены!

Гимназист закурил! Бедовый грубиан ощутил на себе действие первых лучей еще только занимающейся утренней зари... Он почуял, что в воздухе запахло свободой, и — стал «открыто курить». Сжимается сердце начальства и грустью веет от министерского циркуляра.

Нагло торчащая в зубах папироска издавна пользовалась почетным правом служить в глазах российского начальства символом «вредного образа мыслей». В доброе старое время курильщикам резали носы. При Николае I таких суровых мер уже не принимали, но все же курение на улицах преследовалось. Рассказывают, что, когда с первых дней царствования Александра II повеяло «новым духом», обыватели стали «демонстративно» курить на улицах... точь-в-точь нынешние гимназисты, огорчающие Зенгера.

В старину табак преследовался как «дьявольское зелие». При Николае — уже как европейская мода, как проявление «распущенности», которая начинается с открытого курения, а кончиться может... требованием консти-

туции. В этом именно смысле папироса, наряду с длинными волосами, с не по форме сшитым сюртуком и с преждевременной растительностью на лице, издавна считается признаком «неблагонадежности» в гимназиях. Во времена идеального «порядка» в нашей школе, отражающей очень точно настроение всей страны, — во времена Александра III эти виды неблагонадежности были почти совсем изгнаны из учебных заведений: не только в гимназиях, но зачастую и в университетах царили одноформенный сюртук и волосы под гребенку (нередко гимназистов восьмого класса не допускали к выпускному экзамену, пока не подстригут волос), а курить дерзали только самые «отчаянные» из гимназистов.

Изменился тон общественной жизни, — и все пошло прахом. Забыты — хотя и не отменены — те положения университетского устава 1884 г., которые так заботливо определяют форму студенческого платья. Пал Боголепов[6] и в учебном ведомстве провозглашено было «сердечное попечение», и учителя—эти чеховские «человеки в футлярах»—не знали, что им теперь делать с вольнолюбивой молодежью, на глазах у которой, можно сказать с высоты трона, была развенчана святость латинской грамматики и прочей казенной зубрежки. Гимназисты заволновались, втянули полной грудью воздух и — закурили. А рядом с этим, как неизбежное последствие, пошли и «действия скопом», и «неотдавание чести», и «несоблюдения формы одежды», и тросточки в руках, и противоправительственная пропаганда, и демонстрации с участием гимназистов...

Зенгер скорбит о том, что «человеки в футлярах» недостаточно энергично борются с растущей «распущенностью» учеников и что в оправдание своей «безучастности» они нередко ссылаются на царский рескрипт 1901 г., в котором говорилось о «сердечном попечении». Министр об'ясняет, что истинно-сердечное попечение требует иногда строгого отношения к заблуждениям молодежи. Одного только не понимает он: что в тех условиях, в которых стоят ныне друг против друга учащие и учащиеся—как враждующие стороны, со стороны учащих возможны т о л ь к о две политики: или самая свирепая политика «ежовых рукавиц», либо — если жизнь привела ее к банкротству — политика вольного или невольного «попущения». Между казенным учителем, о б я з а н н ы м в школе блюсти интересы самодержавия, так резко разошедшиеся с интересами жизни, — между ним и молодежью, охваченной жизненными настроениями, нет никакой нравственной связи и не может ее быть, пока ни семья ни «улица» не примирились с данным политическим порядком, не может ее быть до тех пор, пока служителями самодержавия являются наихудшие элементы, не пользующиеся и тенью уважения в глазах общества. Просеянные сквозь фильтр полицейской «благонадежности», казенные учителя просто-таки не могут вместить всей той тонкой политики, которую в своем циркуляре рекомендует Зенгер для воздействия на учеников. Он советует учителям не быть в обращении с учениками язвительными и грубыми—и забывает, что сквозь фильтр «благонадежности» проходят в число учителей, большей частью, самые некультурные и грубые элементы интеллигенции. Он советует не оскорблять в учениках чувства человеческого достоинства и совершенно верно указывает, что такое оскорбление часто «может заронить в душу юноши семя недоверия к тому общему строю, выражением коего является для него учебное заведение». Но он забывает, что уважать в других человеческое достоинство может только тот, кто уважает его в себе, кто сам умеет защищать его от чужих посягательств. «Человек же в футляре», вынужденный пресмыкаться перед своим начальством, перед попом, перед жандармом, который потребовал от него содействия для обыскания школьных парт, — «человек в футляре» не может уважать чужого человеческого достоинства уже потому, что сам не знает, в чем оно заключается. И вот почему «человек в футляре», который походя, сам того не замечая, топчет личное достоинство юноши, невольно совершает революционную работу — развивает в юном поколении «недоверие к общему строю». Зенгер ставит далее такое положение: «чем очевиднее будет для юношей, что получаемая ими в школе духовная пища питательней той, какою предлагают насытить их любознательность враги школы (т. е. революционеры), тем охотнее будет признаваться авторитет последней». Отсюда делается вывод, что учителя должны пользоваться уроками для освещения в благонамеренном духе тех общественных вопросов, с которыми ученики знакомятся из «подпольных» изданий. Однако, замечает министр, «обучение в этом направлении не должно носить искусственно-назидательного характера», т. е. не должно пахнуть казенной скукой и благонамеренным лицемерием. Но Зенгер забыл, что благонамеренность, которою преисполнены чиновники от науки, сама носит именно подобный «искусственно-назидательный характер», что за нею не скрыто никаких искренних, хотя бы и реакционных, убеждений; что «человек в футляре» только трепещет перед волей начальства, но отнюдь не способен проникать в «идею» того порядка, который ему приказано прославлять. Можно с уверенностью сказать, что рекомендуемые Зенгером политические беседы будут еще более укреплять в юношах недоверие к тому «общему порядку», у которого нет даже убежденных сторонников, который отдает такой казенной скукой, такой мертвечиной. И трогательно-наивен наш министр, когда думает спасти дело, возлагая на учителей обязанность нравственно перевоспитывать молодежь, внушая ей такие две идеи: во-первых, об ошибочности «весьма распространенного» в молодежи взгляда, «по которому скромное и вежливое обхождение со старшими унизительно для молодого человека и является будто бы видом заискивания перед начальствующими лицами». Да, попробуйте-ка, убедите ученика, который видит воочию своих «наставников» в роли лакействующих перед начальством, что он сам должен не считать унижением такое же лакейство перед ними! Вторая идея еще более способна окончательно скомпрометировать учебное начальство. Это — идея о необязательности для ученика «подчиняться беспрекословно всем решениям большинства товарищей». Посягая на лучшие товарищеские чувства, такая проповедь всегда питает в учениках самое глубокое презрение к тем, кто на их глазах сам «беспрекословно подчиняется всем решениям»... своего начальства.

Да и можно ли думать поднять уважение молодежи к нынешней школе и создать нравственную связь между нею и учебным начальством, не коснувшись такого важного обстоятельства, как все растущее, все более наглое

вмешательство в жизнь учеников средней школы со стороны жандармской полиции? На всем циркуляре Зенгера, который, очевидно, одержим лучшими намерениями несколько освежить школьную атмосферу, лежит печать полного бессилия, как она же лежала на всех его и его предшественника мерах по проведению «сердечного попечения» в университеты. Нелепо пытаться строить мирную реакционную идиллию в стенах школы, не позаботившись о том, чтобы в эти стены не вторгалась темная сила в синем мундире. Министр рекомендует не спешить исключать из школы провинившихся учеников и умалчивает о том, что делать, когда этого исключения требуют жандармы? Он хочет оградить учеников от «язвительного и грубого обращения» с ними учителей, но ведь он не может (не смеет!) пытаться оградить их от вдвое более наглого обращения с ними жандармов, которые теперь так часто «беседуют» с целыми классами, вызывая их на допросы? Он хочет оградить личное достоинство ученика, но как оградит он его от посягательства жандарма, который грубо третирует гимназиста, грозит ему розгами, вымучивает из него показания и, наконец, заставляет при ночном обыске взрослых гимназисток одеваться в его присутствии (факт, недавно упоминавшийся в печати)? Он хочет превратить уроки истории и русской словесности в свободные политические беседы по вопросам, затрагиваемым в подпольной печати, но он не пытается оградить беседующих от преследований, которым жандармы подвергают тех, кто на этих беседах уклонится от казенной точки зрения, на кого донесут содержимые жандармами в школе же шпионы. Там, где политическая полиция всевластна, казенное учреждение не может не быть орудием жандармской политики, не может, следовательно, создаться доверие к этому учреждению со стороны «вольнолюбивой» молодежи. И, что бы ни предпринимал Зенгер, как бы ни толковал принцип «сердечного попечения», она, эта молодежь, останется с нами. Закаленная в своем инстинктивном протесте скалозубовским режимом Делянова и Боголепова, она успешно развивает свое революционное сознание в обстановке режима Ванновского[7] и Зенгера, представляющего смесь зубатовщины с маниловщиной. С головокружительной быстротой подвигается исторический процесс, толкающий все мыслящее и честное в об'ятия революции. От самодержавия отлетает дыхание жизни и каждое из учреждений, входящих в состав правительственного аппарата, болезненно ощущает на себе этот процесс общего омертвения. Не оживит умирающего и религия, и Зенгер чувствует это, когда, рекомендуя «религиозно-нравственное» воздействие на учеников, тут же предостерегает учителей от возможного злоупотребления «словом божиим», которое, по его словам, «грешно призывать всуе» и которое, будучи всуе призываемо (напр., по поводу необходимости выдавать товарищей или в связи с мятежной папиросой), должно, как он видит, бить в нос запахом мертвечины. Дух живой отлетел от правительственного здания, сквозь полуобвалившиеся его стены вторгается непрошенно-нахально струя свежего воздуха, и невольные обитатели этого каземата — «человеки в футлярах» — растерянно и безуспешно ищут новых средств, чтобы заткнуть щели, новых благовоний, чтобы сделать выносимым отравленный воздух. И вот почему такую тревогу вызвал среди них тот невинный факт, что гимназист закурил, отрастил длинные волосы и упорно не хочет застегиваться на все пуговицы...

[Л. Мартов]

ЕЩЕ О СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ «СТРАТЕГИИ».

Наша статья о событиях в Златоусте и Уфе (см. № 41 «Искры») побудила «Революционную Россию» * разрешиться, наконец... ответом — после девятимесячного молчания.

Молчания! Собственно говоря, это было не молчание, а особый тактический прием, своего рода военная хитрость. Не знаем, помнит ли еще читатель, вообще говоря, весьма забывчивый, тот бессмертный по своему комизму эпизод, когда неведомый дотоле «центральный комитет» так называемой «партии» «социалистов-революционеров» ознаменовал свое политическое рождение запретом — отвечать на критику, направленную «Искрой» против «социально-революционных» писателей. С благословения этого находчивого «незнакомца» был найден выход из неприятного положения и принята тактика: неустанно задирать противника замаскированными выпадами, исподтишка, невзначай совершать полемические набеги, спекулируя на чувство непосвященного читателя, а засим неукоснительно исчезать под сенью партийной дисциплины, предписавшей молчание, — лишь только провоцированный противник захочет посчитаться с нашими рыцарями печального образа. Обвинения встречались молчанием; вопросы, поставленные в упор, оставались без ответа. И вот теперь эти самые люди, искушенные долговременной практикой отмалчивания, требуют — ничто же сумняшеся — от нас «прямого ответа». Они, которые только что обошли основные положения противника, хотят, тем не менее, как ни в чем не бывало, продолжать вести разговоры, игнорируя то, что против них уже выставлено. В нашей статье мы подробно поясняли, почему «привозный» террор был не только излишен, но и прямо вреден златоустовской массе. Мы давали характеристику возникающему рабочему движению на Урале и в частности тому переходному моменту в его развитии, с которым так некстати совпал злополучный уфимский выстрел. Мы писали о том, что как раз в это время на Урале стояла на очереди «замена стародавних приемов индивидуальной расправы более или менее планомерными действиями коллективного целого» и что раздавшийся выстрел сделал попытку отодвинуть опять эти поставленные жизнью задачи. Все сие «Рев. Росс.», якобы «готовая» «знакомить» читателя «со всяким возражением по существу» ее «программы и тактики», сочла наилучшим... проглотить, дабы не вводить своего читателя во искушение. А проделав это, она уже могла — с легким сердцем — развязно вопрошать: что же надо разуметь под новыми задачами?

В самом деле, вы этого не знаете? Тем хуже для вас, господа, вам следует еще поучиться у полусознательной массы уральских рабочих. Эта масса, в кото-

* См. «Рев. Росс.» № 26, ст. «Еще о критиках террористической тактики».

рой едва проснулось сознание, уже чует, однако, тот лозунг, который даст ей победу. «Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе дружно и солидарно», — слышится, что дальше, то сильней, в среде рабочих Урала. Это — инстинкт пришедшей в движение массы, смутно говорящий ей о том, как надо бороться! Надо оформить, надо развить то, что еще неясно ощущается массой, надо научить эту массу коллективному действию, надо дать ей — прежде всего — элементы организации. Что и говорить — это огромная, трудная, требующая величайшей выдержки и знания задача, но эта задача неотложная, без решения которой — это следует помнить — нельзя сделать и шага вперед. И не заслуживают по нынешним временам звания революционера все те, которые увольняют себя от нее под благовидным предлогом террора. А от этой задачи — без сомнения — освободили себя те господа, которые — на страницах «Рев. Росс.». — задают нам наивный вопрос: «в какой форме социал-демократы должны были ответить в Златоусте и Уфе на подвиги Богдановича?»

Ну, а в какой форме должны были ответить ростовские социал-демократы на вопиющие насилия ростовской и тихорецкой администрации во время последних ноябрьских событий? * Для всякого революционера, понимающего задачи массового движения, несомненно, конечно: они должны были ответить так, как они ответили.

Из стачки они сделали политическую школу. На основе вызванного ею возбуждения развернули ту лихорадочную деятельность, которая месяцы напролет держала в напряжении все население огромного города. Они выпускали листки за листками, они занесли обаяние Донского Комитета — а с ним вместе и всего пролетарского движения — в самые отдаленные уголки обывательского мира. То и дело созывая агитационные собрания, на которых участвовали сотни народа и говорились раз'ясняющие речи, они неустанно закрепляли революционному делу новые и новые рабочие связи. К комитетскому центру сходился поток свежих сил, из которого формировались передовые фаланги революционного войска, — те фаланги, которые и дали Комитету возможность с'импровизировать демонстрацию второго марта; которые, рассеянные в многотысячной толпе «кулачников», своим мощным порывом сумели поднять толпу на манифестацию. Второе марта удалось; «смотр» народного ополчения обогнал все надежды его организаторов. Но то, что удалось сегодня, могло встретить препятствие завтра, и однако тактика наших ростовских товарищей продолжала бы неизменно следовать раз принятому направлению. Потому что эта тактика определяется, конечно, не успехом той или другой демонстрации, а всей той суммой организационно-агитационной работы, в которую демонстрация входит важным, но все же лишь отдельным звеном единой и цельной системы. А система говорит нам о том, что надо всеми доступными средствами, распространением листков, агитационными собраниями, массовыми движениями по всякому поводу и во всякой форме, диктуемой положением, изо дня в день приобщать массу к революционному действию, развивать в массе героя, увеличивать ее организованность.

И таков был «ответ» — на «ростовско-тихорецкую бойню» — Донского Комитета. Растущая организация масс — угрозой стояла она перед врагом, наводя на него, по свидетельству всех очевидцев, — панический страх, такой ужас — «террор», перед которым мог показаться детской игрушкой любой револьверный разряд «боевой организации».

Но, говорят наши противники, они не только палили в Богдановича, они для златоустовской массы и еще что-то сделали. «Уж будто она от нас, социалистов-революционеров, кроме выстрела ничего не слышит?» — заявляет «Рев. Росс.» и гордо кивает при этом на общую литературу «партии». Конечно, мы не такие уж завзятые скептики, чтобы подвергать сомнению реальное бытие «социально-революционной» литературы, а тем более «центрального органа» этой фантастической партии. Но ведь и не о них идет речь, а о данном совершенно определенном случае, о том, как же использовали гг. социалисты-революционеры ту повышенную атмосферу, напоенную озлоблением, которая создалась в Златоусте после кровавой расправы? Что сделали они там для организации массы? Ничего, ровно ничего: их местные силы безмолвствовали, а общепартийное учреждение, — заметьте это себе, читатель, — не нашло ничего лучшего, как поспешить — в этот важный момент для пролетариата Урала — поспешить на помощь... с привозным террором!

Этот эпизод — не случайность. Он дает истинную меру того, во что социалисты-революционеры ставят на деле интересы массового движения, и с ним в непосредственной связи, как мы уже указывали в нашей предыдущей статье, находится взгляд социалистов-революционеров на массовое движение.

Если для нас, социал-демократов, в условиях настоящего момента, всякое массовое действие, — безразлично, осуществляется ли оно в формах сравнительно безобидных или завершается вооруженной схваткой, — имеет прежде всего значение этапа на пути к организации масс, выполняя в то же время весьма важную роль вербовщика новых адептов, то для соц.-революционеров оно лишь до времени, а потому и не кстати залетевшая искра будущего революционного пожара.

«Мирные» демонстрации отжили свой век, — говорят соц.-рев. (см. «Рев. Росс.» № 12, ст. «Как отвечать на правительственные зверства»), — воодушевлять и бодрить они уже более не в силах. «Нарастает опасность, что они иногда окажут деморализующее действие». Для «вооруженной» же демонстрации нет достаточной подготовки, а потому «в настоящее время у нас еще нет в руках средств давать массовый отпор насилиям и истязаниям».

«Там и до тех пор, — заявляют они в другом месте («Рев. Росс.» № 26, «Еще о критиках» и т. д.), — пока „коллективный отпор" неминуемо повлечет такую „бойню", которую лучше „избежать", — там более целесообразным и даже единственно возможным является отпор террористическими средствами...».

Итак, для одних массовых действий время прошло, для других не приспело. Остается один лишь террор —

* «Разница лишь в количестве жертв» — писал «Центральный Комитет» партии соц.-рев., сопоставляя события в Златоусте и Уфе с «ростовско-тихорецкой бойней».

эта «широкая» арена «боевой организации». Но на этот логический вывод «Рев. Росс.» отнюдь не согласна: она вопит, называя его клеветой. А между тем, он неизбежен для людей, неспособных органически понять демонстрацию как подготовительное действие слагающейся массы, а не как одно единоборство с врагом, на котором обмениваются ударами. Поэтому совершенно естественно, что для гг. социалистов-революционеров современные («типические») социал-демократические демонстрации, т. е. другими словами, все те демонстрации, которые не оставались одним только предметом досужей фантазии, а действительно существовали в нашем подлинном мире, являются лишь ненужными и даже вредными действиями, «толчком» «не вперед, а назад».

Так, тифлисские демонстранты, например, заслужили их полнейшие неодобрение за то, что ловким маневром сумели обмануть «недреманное око» администрации и тем избегнуть подготовлявшегося кровопролития. Помните ли, читатель, описание этой демонстрации: «Демонстранты окружили центральную группу, и в ту же минуту красное знамя... высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400—500 человек, тесно окружая знаменоносца, с восторженными криками двинулась по направлению к казенному театру и, дойдя до театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всех действиях рабочих замечалась удивительная выдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной, которая, несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатление. Опоздавшей полиции оставалось только вымещать свою злобу на тех, кто почему-либо во-время не успел разойтись.» И все это, по мнению социал-революционеров, одна сплошная ошибка. Вот если бы тифлисские демонстранты пошли навстречу казакам и заготовленному войску, «если бы рабочие искали врага, напирали на него» и на его штыки, «о, тогда, конечно, даже неудача только подстрекала бы к более энергичному продолжению борьбы» (там же).

И так говорят, так смеют говорить господа, которые, когда нужно подыскать аргументы в пользу террора, кричат о возможных ужасах «бойни»; когда же перед ними развертывается картина демонстрации, не смущаясь, приглашают демонстрантов итти на эту самую «бойню». Что им за дело до массового движения! Им нечего терять там, они в нем ничего не строили! Только что заявив, что пора мирных демонстраций прошла, а вооруженных еще не наступила, они три раза под-ряд этой весной призывают петербургских рабочих к демонстрации, зная хорошо, что значит в обстановке настоящего момента демонстрация в Петербурге, и зная еще лучше, что сами они для подготовки ее не ударили пальца о палец. Неудивительно, что на то приглашение не отозвался буквально ни один петербургский рабочий. И столь же неудачной оказалась недавняя попытка их в Киеве, вину за фиаско которой они силятся теперь свалить на... нетоварищеское якобы отношение местной социал-демократии.

Когда Донской Комитет руководил знаменитой стачкой, они — задним числом — посмели ему бросить упрек, зачем не повел он многотысячную толпу манифестантов-участников стачки прямо на город, не повел тогда, когда вся полиция и войско уже были на ногах и ждали только удобного момента. В этом огромном движении им не было места, и они пока что... праздно болтали о «благоприятных условиях», при которых «события вроде ростовских, когда толпа бывала иногда достаточно сильна, чтобы овладеть, если бы это понадобилось, всем городом», могли бы «превратиться» «в исходный пункт революционного взрыва»!.. (см. «Рев. Росс.» № 15, ст. «По поводу ростовских событий»).

Почему же, всегда и везде, за этими людьми упорно шла по пятам их злосчастная звезда, как только они делали попытки прикоснуться к массовому движению? Почему «летописи демонстрационного движения» уже в настоящее время — как показал в последнем № «Искры» член Саратовского Комитета Социал-Демократической Партии — начинают протестовать против их неуместных претензий красоваться на «летописных» страницах?

Потому что нельзя безнаказанно жать, где не сеял. Нельзя рассматривать массовое движение как своего рода революционный спорт, ряд последовательно сменяющихся сенсаций, подобных террору, и в то же самое время уверять, что «служишь» ему же!

Многообразный процесс, оно пред'являет к тем, кто ему подлинно служит, с каждым днем все больше требования. С ростом усложняются задачи, выдвигаются новые трудности, которые надо преодолеть во что бы то ни стало. Не подлежит сомнению, батумские рабочие, которые в свое время запрашивали Петербургский Комитет нашей партии о вооружении демонстрантов, затронули жгучий вопрос массового движения. И Петербургский Комитет был прав, когда, не отмахиваясь от трудностей вопроса, не признал однако возможным для себя разрубить этот гордиев узел. Пытливо-добросовестно всматриваясь в задачу, поставленную жизнью, он хотел, не решая ее за свой собственный страх, предварительно послушать товарищей.

С такими людьми у нас есть и всегда будут разговоры. С гг. же «социалистами-революционерами» нам на эту тему говорить не приходится.

[Старовер-Потресов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Политические процессы. В средине июня в Московск. военно-окружн. суде разбиралось в течение 2 дней дело о пропаганде среди солдат Екатеринославского полка (в Москве). Из 6 обвиняемых один студент Никольский успел скрыться до суда. Приговоры вынесены более мягкие, чем можно было ожидать. Солдат Альшанский, дававший самые «откровенные» показания на следствии (см. обвинительный акт в «Рев. Росс.»), и Гольдблат приговорены к лишению прав и ссылке на поселение; Батурина — к 1 г. 4 мес. заключения в крепости, с ходатайством о понижении срока до 1 года; Соколова — во внимание к молодости — 4 месяца тюрьмы; предатель (может быть, шпион?) фельдфебель Аносов оправдан. О самом суде нам пишут из Московск. тюрьмы: «Гольдблат, Соколов и Батурина заявили на суде, что они сознательные революционеры, считают себя членами соц.-дем. партии и выяснили, каким образом они пришли к убеждению в необходимости свержения самодержавия. Женщинам говорить не мешали; Гольдблата же прерывали шесть раз, а на седьмой

лишили слова. Председатель сказал ему, что не может допустить, чтобы солдат нападал на самодержавие и выражал критическое отношение к военному быту. Альшанский взял назад показания, данные им на следствии, но об'яснил, что берет их назад вовсе не для обеления оговоренных им товарищей, до которых ему мало дела, так как они судили его за его поведение и признали предателем. Он об'явил себя социалистом-революционером, действовавшим на свой риск и страх (согласно обвинительному акту, он на следствии об'являл себя соц.-дем.).

Процесс Фрумкиной, судившейся в Киеве за покушение на жизнь жанд. ген. Новицкого, закончился осуждением на 11 л. каторги этой совершенно измученной женщины.

Предполагается процесс еще против участников демонстрации 27 апреля в Баку и Балаханах. В качестве обвиняемых привлекаются совершенно случайные лица. Из обвиняемых называют бывших студентов Файнштейна и Ильюшкина, Дроздовского, Абрама Эйзенбета, бывш. студента Хунтадзе.

Петербург. Избиение политических в «Кре́сте». «Нас перевезли 3 июня из Дома предварительного заключения в „Крест“, где нас встретили инспектор тюрьмы и начальник „Креста“; они об'явили нам, что если мы будем сидеть смирно, то нам будет очень хорошо. Мы все сказали, что если к тому не будет никаких побудительных причин, как в предварилке, то мы, конечно, будем сидеть смирно. Начальник сказал, что он постарается все устроить без шума, при этом разрешил нам сидеть на окнах, разговаривать между собой, передавать друг другу деньги, провизию и книги. После того как мы просидели пять дней, инспектор с начальником ходили по камерам и просили не разговаривать между собой в окна. Мы от этого отказались; тогда инспектор сказал, что он должен принять меры к устранению между нами разговора.

«11 июня около пяти часов вечера мы услышали страшный крик. Оказалось, что это кричал наш товарищ, которого вели в карцер. Тогда мы все стали звать начальника для об'яснения, почему товарища ведут в карцер. К нам начальник не явился. Тогда мы решили вызвать его криком. С этой минуты началась та кровавая расправа, при которой обагрились кровью стены камер и тюремных подвалов. Отставной жандармский полковник Никольский и человек семь надзирателей вбежали в камеры и в присутствии самого начальника били нас. В избиении принимал участие сам инвалид, жандарм Никольский. Ко мне вбежал Никольский, схватил меня за волосы и при помощи надзирателей топтал ногами, бил куда попало; затем продолжали уже надзиратели, подняли на руки, потащили в подвал. На лестнице полковник скомандовал бросить меня и тащить за ноги. Спустились в подвал и у лестницы снова начали бить. Многие просили, чтобы сразу убили их, но полковник отвечал, что побоями он так их доймет, что они забудут про всякие протесты. Затем тащили дальше. На некоторых надевали сумасшедшую рубашку, но больше вязали руки и ноги и бросали на холодный пол. Так мы оставались до 10 час. утра. Утром развязали нас и повели к начальнику, где каждому назначили семь дней карцера и на месяц лишение свиданий и переписки. Карцеры все были переполнены, и в подвале лежало нас 21 человек. Избиты все были серьезно. У многих текла из носа кровь, у некоторых поврежден позвоночник и разбита грудь. Стон был ужасный всю ночь. Одна из родственниц избитого получила от последнего его рубашку; на ней 30 дыр, вся она в грязи. Тут же передан платок, весь в крови, и на нем ясно отпечатаны зубы, очевидно, платком заткнули рот, чтобы не было слышно крика».

Одесса. После уничтожения земской статистики министр Плеве принимается, повидимому, за искоренение крамолы в земской медицине в лице ее наиболее опасной в смысле потрясения основ части санитарной организации. Херсонский помпадур открыл против нее форменный поход. После того как из шести избранных губернским санитарным советом врачей им был утвержден один, он начинает одного за другим выгонять уже существующих санитарных врачей. Одесская земская управа получает помпадурское «отношение», в котором категорически сообщается управе, что дальнейшее пребывание на службе санитарного врача Улыбышева его превосходительство считает невозможным. Для компании этим же отношением удаляется со службы прослуживший земству 27 лет фельдшер, провинившийся в том, что его сын когда-то участвовал в студенческих беспорядках. Как передают, единственным мотивом к удалению Улыбышева, этого честного и деятельного, но решительно не имеющего никакого отношения к крамоле врача, является то соображение, что, благодаря его воздействию, новые врачи Одесского уезда подбираются преимущественно «красного» оттенка. Одесская управа в лице своего председателя Рено не нашла ничего возразить против беззаконного требования помпадура и, рабски покорная его велениям, увольняет указанных помпадуром лиц, относительно же Улыбышева умывает руки, так как он, дескать, губернский служащий. Начавши с Одессы, Левашев распространяет свою полезную деятельность на всю губернию. Недавно Херсонская губернская управа получила предложение «для пользы дела» уволить целый ряд земских служащих, между ними четырех санитарных врачей, несколько секретарей управы и пр. Когда председатель Херсонской губернской управы протестовал против этих массовых увольнений, причем указал, что политика Левашева противоречит намерениям Плеве, неоднократно высказывавшегося в смысле расширения прав местного самоуправления и вообще благосклонно относящегося к земству, Левашев, многозначительно улыбаясь, ответил: «Знаем мы это — он с вами заигрывает, либеральничает, а нам циркуляры пишет: того удалить, за тем наблюдать. За всеми ведь не усмотришь, так лучше вы уж их увольте. Имейте в виду, — закончил помпадур, — что я этого не говорил; если меня спросят, я отрекусь». Такова двойная политика Плеве. Интересно знать, долго ли еще наши земцы будут ходить на цыпочках возле «благих начинаний» Плеве и даже разражаться такими всеподданнейшими адресами, какими недавно разразился орловский архилиберал Миша Стахович.

Митава. В более промышленных городах Прибалтийского края, как напр., в Риге и в Либаве, имелись зачатки сознательного рабочего движения до первого «дела латышских социал-демократов» [8] (1898). Но эти зачатки были уничтожены, кружковая деятельность прекратилась и лучшие рабочие агитаторы были сосланы или эмигрировали. В «крестьянском» городе Митаве ничего тому подобного не было, хотя Митава дала не мало интеллигентных сил движению других городов. Что митавские рабочие «зашевелились» так поздно и как раз во время промышленного кризиса, который обыкновенно ослабляет рабочее движение, это об'ясняется отчасти тем, что здешние фабрики работают больше для местного рынка и кризис на них отразился не так тяжело, как в других местах. Число фабричных рабочих в Митаве не больше 3.000. Только одна фабрика (Гребнера) насчитывает до 800 раб. Первые прокламации в Митаве были распространены к 1 мая 1901 г., но в руки рабочих они попали в небольшом количестве. Большинство было собрано полицией на улицах, где они были разбросаны. Провал после этой первой попытки был довольно значительный для едва начавшегося движения (арестовали 3 раб. и 3 интеллигентов). В течение 1902 г. по разным городам Курляндии были распространены печатные и гектографированные прокламации, которые в большом количестве начали проникать в фабрики, и рабочие «зашевелились». В проводах политических ссыльных (в прошлом году отправили первых 4 латышей в Сибирь) участвовали уже рабочие. Тело умершего здесь высланного ст. Бульмана провожало на вокзал уже много рабочих, и процессия вышла грандиознее, чем предполагалось. Даже местные буржуа заговорили о похоронах социал-демократа, затревожились власти. Особенно не понравилось им то, что на похоронах было много учеников, хотя начальство наших средне-учебных заведений уже раньше занималось чисткой гимназий от кухаркиных и крестьянских детей. Директор гимназии Пятницкий довел таким образом число учеников с 500 до 250. Тот же Пятницкий, лучший друг местного жандарма Кладо, просла-

вился своими речами по поводу того, что такое «смирно», «первокурсник» и студенческие беспорядки. Теперь гимназисты старших классов должны носить белые перчатки, и скоро П. заставит их отдавать ему честь по-военному. В этом отношении не менее отличились начальница женской гимназии и директор реального училища. Взяточничество и чрезмерная услужливость баронам со стороны этих властей были освещены в изданной учениками в конце 1901 г. прокламации «К обществу». К концу 1901 г. власти затревожились. 2 ноября обыскали по предписанию ковенского жанд. упр. врача П. Калина (был выслан на 2 г. из Прибалтийского края и проживал в Жагорах, Ков. губ.). В коридоре реального училища нашли какую-то нелегальщину, и это дало повод директору Кульбергу и инспектору Петрову проявить свои интимные чувства к жандармам: у учеников IV кл. Лопатникова и Зильгальвиса жандармы произвели обыски и тягали их на допросы. Уже раньше были обысканы реалисты Менцендорф, Залтис и Германштик, но ничего недозволенного не обнаружили.

Большое возбуждение произвело распространение на Рождество прошлого года хорошо отпечатанных большого формата прокламаций «Мир на земле». Прокламация, изданная «прибалтийскими латышскими соц.-дем. организациями», была ловко распространена не только на фабриках, но и у церквей гг. Риги, Митавы и Либавы и их окрестностей и очень взбудоражила рабочих. Заговорили о социал-демократических требованиях и в деревнях, где прокламации ходили по рукам батраков. Особенно бесились священники и уездная полиция. Первые за то, что социал-демократы опозорили их «святыни», а последняя за то, что на нее навалили лишнюю работу. Началась погоня урядников за прокламациями и поездки жандармов в волостные правления для составления протоколов. Такие поездки были особенно часты в Добленском и Гольденгенском уездах, где жандармский офицер Григораш искал «центра тяжести», как он сам выражался. Пока Кладо с сотрудниками все еще искали «центра тяжести», полиция сообщила, что 17 апреля опять наводнены фабрики Митавы, Риги и Либавы прокламациями, изданными группой латышских соц.-дем. в Курляндии, группой соц.-дем. раб. Риги и Либавской соц.-дем. раб. организацией. Помимо этого по дворам и улицам Митавы были расклеены и разбросаны гектографированные прокламации на литовском языке и жаргоне. Всего было распространено в Митаве 1.200 прокламаций. Полиция собрала по улицам не больше 60—75. Арестовали по подозрению и отчасти по указанию фабричной администрации рабочих Гельмана, Андерсона, Гинтера. Они сидят еще. Около этого времени был арестован приехавший погостить к родителям эмигрант Весман, который тоже содержится в Митавской тюрьме. Полиция ожидала к первому мая демонстрации и хотела накрыть какое-нибудь собрание; полицмейстер просидел целый день, спрятавшись в сторожевой будке у городских ворот. 31 мая были распространены прокламации на русском языке и на жаргоне по поводу златоустовских и кишиневских событий. В тот же день арестован на улице рабочий Ленцман.

Одесса. Добровольные шпионы в Добровольном флоте. Недавно к одному из кочегаров Добровольного флота попало несколько номеров «Искры» и листков Одесского соц.-дем. Комитета. Желая поделиться интересными сведениями, кочегар дал попавшую к нему литературу одному из служащих Добровольного флота, Захарию Погребницкому. Дошло все это до сведения начальника ремонта, который не замедлил, конечно, доложить о появившейся в его мастерских крамоле по начальству. Начальник конторы Добров. флота Ергамышев, угрожая г. Погребницкому всевозможными карами, заставил его сообщить фамилию кочегара, снабдившего его литературой. Немедленно составляется донесение, зловредная литература запечатывается в пакет и все это отправляется в жандармское управление. На другой день появляются жандармы, производятся обыски, допросы — возникает целое дело. Очевидно, поле деятельности г. Ергамышева сократилось вместе с сокращением работы Добров. флота, и доблестный моряк хочет занять более почетный и славный пост царского шпиона.

Уфа. 22 июня 1903 г. Текущим летом, по примеру прошлого, должны были состояться педагогические курсы для земских учителей и учительниц второй очереди. Кроме того, один из прошлогодних лекторов согласился прочитать для членов «Общ. взаимн. вспоможения частному труду» несколько лекций на две темы: «Психология общества и хозяйственный строй» и «Реформы Петра I», на что уже и было разрешение учебного начальства. Однако 29 мая попечитель Оренбургского учебного округа поспешил уведомить как земскую управу, так и правление помянутого общества, что он не находит возможным в нынешнем году дать разрешение на устройство в Уфе просимых курсов и лекций. Разумеется, у всех явилась одна и та же мысль о связи этой отмены с убийством губернатора. Таким образом, паки и паки сама власть толкает население на то, чтобы оно усвоило, наконец, себе идею о несоединимости каких бы то ни было просветительных начинаний с существующим режимом. С другой стороны, нельзя без чувства омерзения отнестись к лицемерному возложению на гроб убитого Богдановича от дирекции народных училищ дорогого венка с надписью «Искреннему другу народных школ». Пусть же знают, каков это был друг и земские учителя, для которых предназначена выпущенная здесь прокламация. Тем временем сыск яростно, но тщетно работает во-всю. На почте вскрываются письма. Леоновича и Морозова, арестованных после убийства Богдановича, даже не взирая на освобождение их со стороны судебных властей, продолжают держать в тюрьме жандармы. Из Воронежа сюда привозили железнодорожного рабочего Извекова, но он доказал, что 6 мая в Уфе не был, а находился в Оренбурге, куда для удостоверения этого факта отсюда выехал Кичин (прокурор). Сегодня к нам прибыл новый помпадур Соколовский, уже успевший недели три тому назад, при обратном проезде из Питера в свой Семипалатинск, во-первых, уволить уфимского полицмейстера, а, во-вторых, вернуть из губернии статистиков. Прибыл — и прямо в собор. Привез с собой своего полицмейстера. Интересно знать, обложил ли новый полицмейстер, по примеру своего предшественника, публичные дома таким же или более высоким ясаком и будет ли так же охотно расхищать (под видом расходов на пожарных лошадей) городские рессурсы, в чем наша полиция всегда находила верного пособника в лице вороватого городского головы Малова.

Александровск, Екатерин. губ. В этом году рабочее движение в городе Александровске заметно развивается. Выпуск листков производится довольно оживленно, были сходки; перепуганная полиция производит массовые обыски как в городе, так и в прилежащем селе Вознесенке. В этом селе были выпущены прокламации (150 шт.) в ночь перед Пасхой. Крестьяне читали их около церкви над куличами и пасхами и не могли оторваться от этого чтения даже тогда, когда поп пришел святить. После службы на рассвете попы ходили по улицам и дворам и собирали подброшенные прокламации, но их старания не увенчались большим успехом — им удалось найти всего несколько штук; вообще было арестовано не более двадцати из 150 штук. Несмотря на популярность изложения, листки возбудили некоторые недоумения в крестьянах. Этому способствовала проповедь попа на второй день Пасхи, направленная против социалистов. Такой дерзкий поступок попа возбудил негодование местной социал-демократической организации и заставил ее выпустить в ответ еще серию листков. Таким образом, между попом и социал-демократической организацией произошел живой обмен мнений. Население, восстановленное против своих грабителей-попов, интересом следило за этим собеседованием.

В апреле были четыре сходки; две последние человек по пятидесяти. Говорили ораторы из местных интеллигентов. Состав сходок обновлялся каждый раз. Были представители от всех машиностроительных заводов, которых здесь 7, кроме железнодорожных мастерских. Ремесленники устроили отдельную сходку. Они составляют кружок человек в 35, отколовшихся от «искристов» из-за принципов организационной тактики (выборное начало). Перед первым мая, к сожалению, не было получено печатных листков. Поэтому местная организация выпустила одну

тысячу гектографированных листков: 400 первомайских и 600 по поводу кишиневских беспорядков (так как у нас также ходили тревожные слухи). Эти листки произвели большое впечатление, в особенности на евреев. Один из них, услышав в лавочке чтение прокламации, сказал: «Боже мой, я считал социалистов разбойниками, а теперь я готов стать на колени и целовать ноги тем, кто это написал». Один русский кузнец, из постоянных столкновений с местной администрацией вынесший страшную ненависть к существующему строю, в разговоре с интеллигентом признался, что хотел предводительствовать, если бы начали бить евреев, но, после выяснения вопроса, с ужасом воскликнул: «Как нас морочат!». Предполагавшаяся демонстрация не состоялась, так как молодая еще организация (она существует немного более года, а раньше работал случайный элемент) не могла выдвинуть за такое время опытных руководителей. В конце мая переиздан листок киевского политехникума о причинах кишиневских беспорядков, в количестве 500 экз. В середине июня произведено было полицией и жандармерией больше 15 обысков и у рабочих. Обыски эти, повидимому, назначались без всякого смысла и нередко возбуждали смех у публики; так, напр., был произведен обыск у 80-летнего старика, бывшего педагога. Понятно, что все обыски были безрезультатны. По поводу этих обысков были выпущены листки; в то же время были отгектографированы прокламации по поводу революции в Сербии.

Не можем не упомянуть о факте, знаменующем начало проявления самодеятельности в крестьянской среде. В глухом селе Ново-Николаевке, отстоящем от города на 50 верст, появились рукописные прокламации местного характера, в которых рекомендовалось одного из попов (старого) убить, а у другого (молодого) сначала выщипать по волоску гриву и бороду, а потом убить; урядника растерзать на клочки, а местную паровую мельницу, принадлежащую еврею-эксплоататору, взорвать динамитом. Эти листки, несмотря на их наивность, произвели должное впечатление на этих угнетателей народа: попы стали кротки, как голуби, урядник сделался необыкновенно гуманным, а мельник-эксплоататор уехал, запечатав мельницу.

Керчь. С февраля сего года Керченская Социал-Демократическая организация обзавелась типографией и все время выпускает печатные прокламации как к рабочим, так и к обществу. Первая печатная прокламация на тему: «Освобождение крестьян» была выпущена накануне 19 февраля; разбросана по дворам и наклеена на всех киосках в городе, где и висела до следующего полудня. Об'ясняется это тем, что городовым известны прокламации в виде белой бумаги, исписанной синими чернилами (гектографированные), а эти были разноцветные и печатаны типографским шрифтом. Через три дня после первой прокламации жандармерия была поражена новой экстраординарной выходкой Керченской организации. Нужно было распространить прокламацию к рабочим табачной фабрики Месаксуди. Установлено было, что рабочие выходят из фабрики по звонку в течение пяти минут и направляются на главную улицу погулять после работы. Организация прибегла к следующему способу. Наняли трех мальчишек лет по десяти, дали им по 100 прокламаций, отпечатанных на разноцветных листках вроде афишек, и для того, чтобы заинтересовать рабочих, чтобы они не бросили их непрочитанными, мальчишкам велено при раздаче кричать: «китайский цирк». Все это было устроено как раз к выходу рабочих из фабрики. Один мальчик стал около ворот фабрики и на глазах у полиции раздавал прокламации и кричал: «китайский цирк». Остальные два мальчика делали то же самое на главной улице. Цель была достигнута, прокламации все почти попали в руки рабочих. Полиция узнала, когда все почти прокламации были розданы, и бросилась задерживать мальчишек. Один успел все раздать и удрать, а остальных двух поймали, когда у каждого из них осталось по пяти прокламаций. Мальчишек отправили в участок и сейчас же жандармский ротмистр учиняет им допрос. «Кто дал вам листки?». Мальчики плачут. «Дядя». «Какой дядя?». (Мальчики описывают наружность): «У черной бороде, у больших усах, у сапогах и на носе темные очки». Вдруг все присутствовавшие на допросе полицейские чины крикнули в один голос: «Это студент Васильев». Сейчас же жандармерия направилась к студенту Васильеву (черная борода), студ. Гуссову (черн. борода) и метранпажу «Южн. Курьера» (тоже черная борода), всех привезли в участок мальчишкам напоказ: «Нет — говорят, — не эти». Мальчишек пришлось выпустить, ничего не добившись. На следующий день их опять призвали да еще мальчишек 30, описали им наружность и послали искать по улицам бородатого, обещав всем по пяти рублей, если найдут его. У самого кулака Месаксуди чуть сердце не разорвалось с досады, он обещал 500 руб. тому, кто поймает бородатого. В ту же ночь были обысканы поезда, был задержан пароход Российского общества. На пароходе во втором классе жандармы заметили профессора с черной бородой; заподозривши в нем представителя китайского цирка, пригласили в участок и показали мальчикам: «Нет, не они». Обыскали и отпустили с миром. На следующий день по разным улицам города можно было видеть группы мальчишек, внимательно рассматривающих прохожих обывателей с черными бородами. Так и не пришлось им заработать по пяти рублей. На одной улице постовой городовой нашел черную бороду с усами, в которой мальчики узнали ту самую, которая давала им листки. Искали человека с бородой, а нашли бороду без человека. С этой находкой жандармы прекратили всякие поиски бородатого. Как рабочим, так и обществу очень понравился этот ловкий прием. Когда на следующий день раздавали об'явления об открытии прачечной, то все брали и говорили лукаво: «Что, опять китайский цирк?». Следующая прокламация была выпущена накануне первого марта. Обстоятельства были крайне неблагоприятные. Жандармы догадывались, что должна быть прокламация, и решили во что бы то ни стало изловить распространителей. Для этого они предполагали переодеть сорок городовых в штатское платье и расставить по паре в двадцати дворах на целую ночь, и когда распространитель бросит прокламацию, то выскочить из засады и задержать его. Тогда были еврейские праздники, сотни масок ходили по улицам из дома в дом. Жандармы не думали, что у организации хватит смелости распространять прокламации во время движения масок, и решили поставить городовых с 12 час. ночи, когда маски расходятся по домам. Но увы! Жандармы обманулись в своих ожиданиях. Форсированным маршем прошли распространители по городу в промежутке от 10 до 11 час веч. и наводнили его прокламациями. Узнали жандармы, бросились рыскать по улицам, искать распространителей, а их и след простыл. Задерживались и маски, и люди без масок, тут же на улице производились обыски, но все это ни к чему не привело. Были затем еще прокламации майские, по поводу манифеста 26 февр. [9], по поводу кишиневск. резни, и все сходило удачно.

За все это время жандармы произвели только три вышеописанных обыска по поводу «китайского цирка». Странной казалась эта жандармская бездеятельность, но недавно все выяснилось. Вот уже три года, как жандармы в Керчи ловят крамолу, но никак не поймают. И решил ротмистр Шереметов прибегнуть к другому, более рациональному средству. Выписал он из Петербурга рабочего-провокатора, который привез с собой много нелегальной литературы, завел знакомство с рабочими и вкрался к ним в доверие. Он стремился проникнуть в центральную группу организации, но этого ему не удалось достигнуть. Результатом его проживания в Керчи является набег, совершенный в ночь на 28 мая жандармской сворой под руководством Шереметова; произведено больше 30 обысков и 10 арестов. Девять человек из числа арестованных через шесть дней выпущены, а десятый, С. Рабинович, оставлен в тюрьме, так как у него найдено много нелегальной литературы. В ночь на 4 июня арестован еще Николай Евдокимов, застигнутый жандармами при печатании прокламации на гектографе. Оба арестованные держатся превосходно.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Херсонская губ. Приводим целиком, с исправлением лишь орфографии, присланную нам «крестьянскую корреспонденцию»:

«Товарищи, сего 1903 года месяца апреля были посеяны прокламации на возы крестьянам Херсонской губ., Тираспольского уезда, в местечке Евгеновке. Евгеновка расположена в семидесяти верстах от г. Одессы, занимая громадный приход окрестных деревень; результат этого следующий: в ночь под первый день Пасхи крестьяне с'ехались с многих деревень к церкви для посвящения пасок, около 500 подвод только дальних, не считая пеших; повозки оставили, а сами пошли слушать деяние; многие из толпы были на дворе, даже некоторые спали на повозках: студенты (?) воспользовались этим случаем, наложили в повозки прокламации; когда приближался час обедни, крестьяне послыхали звон колоколов и начали браться за пасхи, около пасок нашли на возах много бумаг — печать Одесского Комитета. Многие из них начали читать там же при свечах, а некоторые унесли в церковь, чтобы было удобнее читать. Народ толпился вокруг читающих массами, и, наконец, по прочтении одной прокламации, между толпой раздался крик и брань по адресу своих угнетателей. Церковный староста был перепуган шумом и криком и, не взирая на служение, вбежал на клирос, где находился урядник, и стал подавать знак, чтобы пение приостановили. Староста начал речь: „Не знаю, что случилось; читают по всей церкви то, что напечатано на нашего царя, да на наших начальников, все против правительства, что правительство неправильно поступает, будто мало платит за работу, таке, что аж на голове чуб подымается". Урядник (Скворцов) выбежал на улицу с криком, созвал свистками полицию местную и из других деревень, всего около шестидесяти человек, и было дано приказание арестовать тех, кто читал и прятал, а в особенности арестовывать все повозки для обыска, чтобы никто не мог вывезти ни одной прокламации. Страшили народ, что будут найдены все бумажки и что будут строго наказаны; крестьяне отдали свои пасхи знакомым и начали раз'езжаться, кто куда попал, дабы спасти у себя бумажки. Полиция, видя себя бессильной, чтобы справиться с трехтысячной толпой народа, арестовала только тех, которые сознались от чистого сердца, что у них есть найденные листики. Полиция не отпускала их от себя, видя, что они покорны, посадила их в кутузку и поставила над ними строгий караул, дабы дознаться, не заметили ли в лицо тех суб'ектов, которые подбросили в народе прокламации. Отзывались незнанием. Им не поверили. Урядник нарядил одного сотского, запечатал пятью печатями конверт и отправил к приставу второго стана Тираспольского уезда, докладывая о случившемся и прося помощи. Пока шла переписка, арестованных держали несколько дней, ежедневно допрашивая, как преступников. Земский начальник четвертого участка Тираспольского уезда Юковский с другими земскими начальниками немедленно начали раз'езжать по деревням и созывать всех крестьян, прося: „Не слушайте подлых людей, что бунтуют вас и раскидывают листки, то — шарлатаны; их надо убивать камнями и суда за них не будет, потому что царь таких терпеть не может. Если кто-либо из вас заметит, что подкидывают листки или прийдет в какую деревню и будет говорить, что он послан от царя, и золотыми буквами будет вам читать, не верьте этому, а скорее и хитрее задержите его и ведите ко мне, я знаю, как справиться, а если из среды вас брат или друг будет распространять слухи о том, что вам будет прибавка земли и восьмичасовой рабочий день или повышение платы, такого вяжите и ведите ко мне" ... „Вы знаете, что государь ваш сказал на коронации в Москве — Александр III, — а вот Николай II подтвердил его слова, что слухи о прибавке земли разносятся врагами правительства, а лучше ходите в церковь молиться день и ночь, чтобы вам бог дал. Нанимайте молебни с акафистами Николаю-угоднику. Просите священника, чтобы он вам святил весь степ священною водою для того, чтобы урожаи были. Свечи покупайте — это бог любит. Вам нечего надеяться, чтобы разбогатеть на этой земле, вам будет добре на том свете, а я похлопочу за вас, чтобы вам на 25 деревень выслали из управы святые иконы, чтобы вы молились. И не смейте не только говорить, но и думать о том, что случилось, а мы этих студентов всех переловим".

«Некоторые молодые из крестьян, выслушав от начальника, что не будет ничего из того, чего они надеялись, составили заговор (!) и хотели в ту же ночь начальника четвертого участка убить, только не было у них вожака, который бы принял начальство над ними».

От редакции. Надеемся, что недалеко то время, когда у проснувшихся от векового сна крестьян всегда будут «вожаки», которые сумеют раз'яснить им, что «заговор» надо составлять не против жизни земского начальника, а против жизни всего самодержавия.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Всеобщая стачка в Баку. Телеграф принес известие о всеобщей стачке в Баку, захватившей даже типографии и булочные. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, это грандиозное восстание бакинских рабочих (телеграмма сообщает о **40.000** стачечников) подготовлено рядом частных стачек, начавшихся в городе немедленно после предмайской агитации, которую в таких широких размерах повел недавно местный Комитет нашей партии.

Рабочее движение на Кавказе еще очень молодо, но оно имеет уже за собой целый ряд блестящих выступлений пролетариата. В короткое время кавказские рабочие опередили товарищей многих местностей, ранее их захваченных движением.

———

Феодосия (Крым). Здесь под открытым небом состоялось собрание с целью отпраздновать 1 мая. На собрании присутствовало 45 рабочих и работниц. При пении «Марсельезы» было поднято красное знамя с революционными надписями. Затем интеллигентами были прочитаны рефераты и говорились речи. Между прочим, выяснялась политика Зубатова, а также политика правительства по отношению к антиеврейскому движению в России вообще и кишиневскому в частности. По окончании речей и чтения рефератов рабочие декламировали стихи и пели революционные песни. Праздник продолжался от шести до 11½ часов ночи.

———

Екатеринослав. В начале июня здесь состоялось собрание, на котором присутствовало до 250 человек. Говорились речи на разные политические темы. Первые ораторы говорили о полицейско-бюрократическом строе, о пролетариате, как носителе прогресса. Так как собрание имело целью формулировать свое отношение к кишиневскому погрому, то прочие ораторы в своих речах главным образом затрагивали это последнее стобытие. По окончании речей собранием единогласно принята следующая резолюция: «Принимая во внимание, что главным виновником кишиневского погрома является царское правительство, организовавшее его через своих агентов с целью отвлечь от себя народный гнев; принимая во внимание, что кишиневский погром является следствием сознательного со стороны правительства разжигания племенной ненависти и религиозного фанатизма, исключительного положения евреев, а также темноты и невежества массы, являющихся в свою очередь следствием самодержавного строя России,— мы, екатеринославские рабочие, глубоко убежденные, что подобные явления возможны лишь на почве самодержавия и что только его уничтожением мы смоем позорное кровавое пятно, которое по вине правительства легло на весь русский народ, мы требуем замены царского самодержавия законодательным собранием, составленным из представителей, выбранных всем народом, и равноправия всех граждан без различия национальности и религии».

———

С. Озеры, Коломенского уезда, Московской губ. Здесь четыре фабрики: Федора Щербакова с сыновьями, бр. Щербаковых, В. Моргунова с сыновьями и еще одна, кажется, Моргунова и Ст. Соколова. На всех фабриках рабочих около 10.000 чел. В конце апреля на фабрике Ф. Щербакова и сыновей рабочие требовали увольнения заведующего фабрикой. Хозяин сначала обещал исполнить требование в двухмесячный срок и просил теперь стать на работу, рабочие же требовали немедленного увольнения. Переговоры и сбавки срока до трех недель не привели ни к чему, и заведующий был устранен от должности; рабочие начали работать. В конце мая на фабрике Василия Моргунова и сыновей уволили много рабочих, в виду вздорожания хлопка и имеющегося большого запаса товара; оставшихся заставили работать не в две смены, а в одну. Рабочие потребовали увеличения заработной платы на 20%. Большинство из них—крестьяне близлежащих деревень и ведут хозяйство, даже живут дома, а не на фабрике. Первыми забастовали женщины-ткачихи, к ним вскоре присоединились и остальные рабочие-мужчины. Несколько дней положение дел обсуждалось в поле и после сходки всей толпой отправлялись с песнями на фабрику, где окружали дом директора. Пропевши «Дубинушку» и «Долю бедняка», возвращались по домам. В толпе раздавались иногда протестующие крики женщин, требовавших перехода к более решительным действиям, но они были останавливаемы мужчинами, которые доказывали нецелесообразность буйного протеста. Наконец, хозяин вызвал казаков: как только стало известно об их появлении, никто на фабрику не являлся и собраний не происходило. Пробыв три дня и видя, что усмирять некого, казаки вернулись обратно, — между прочим, на этом настаивал и хозяин, которому надо кормить их. 9 числа появилось об'явление исправника, приказывавшее стать на работу 10 июня, под угрозой расчета; на сходке было решено получить расчет, взять паспорты и на работу не являться. Решение было приведено в исполнение и работы не возобновляются до сих пор. Пробовал-было хозяин выписывать рабочих из отдаленных деревень, но неудачно: прибывшим старые рабочие дали понять, что они не допустят их к работам, и те ретировались. Тогда хозяин держал речь о повышении цен на хлопок и трудности ведения дел, и тут отвечали ему женщины: «Как бы велики ни были цены на хлопок, ты без хлеба не сидишь, а мы голодаем». Об'яснение кончилось ничем.

Ардатовский уезд (Нижегородской губ.). Здесь на Вильском листопрокатном заводе в мае вспыхнули волнения на почве кризиса, принявшие аграрную окраску. Кризис вызвал сокращение числа рабочих, и мастеровые, приписанные к заводу, подали губернатору заявление с требованием наделения их землей (на основании посессионного права). Губернское правление постановило отвести рабочим надел, вымежевав его из общих владений завода. Узнав об этом решении, заводская администрация стала назначать безработных на рубку леса. Некоторые мастеровые упирались, другие вовсе отказывались рубить лес, который, по мнению рабочих, должен был отойти в их пользу. Возбуждение росло, и в один из праздников рабочие «немножко нашумели». Серьезных нарушений порядка, впрочем, не было. Тем не менее, администрация тотчас же телеграфировала властям, якобы «бунт» в полном разгаре. Тотчас же из Нижнего прибыл губернатор, полиция и батальон солдат. Начались аресты среди рабочих, причем заводская администрация указывала предполагаемых «зачинщиков». Большинство арестованных скоро освободили, а восемь «зачинщиков» увезли в уездный город в тюрьму. Аресты эти вызвали в населении страшный переполох. Губернатор «предоставил» мастеровым поступать на соседние Выксунские заводы, а чернорабочим — опять-таки рубку леса. Милостивое указание на Выксунские заводы звучит иронией: там уже давным-давно все полно — яблоку негде упасть. Положение рабочих критическое. Пока еще отведут надел! Да и с наделением землей вряд ли их положение улучшится: население давным-давно отбилось от крестьянского хозяйства; нет ни умения, ни опытности; да и не на что будет вести хозяйство.

На Выксунском заводе 22 мая произошел трагический случай. На глазах у отца и матери, с которыми вместе он разбирал «дудку», погиб 15-летний подросток, под которым обвалилась земля, когда он проходил мимо дудки. Виновница катастрофы — рудничная контора. Она приказывает рудокопам вытаскивать из старых выработанных дудок укрепляющий их лесной материал, который снова идет в дело, в новую дудку. Вся выгода от этой операции сводится к тому, что тысяча «заборок» в продаже у частных лесоторговцев стоит 8 рублей, а вытаскивание их из старых дудок обойдется только в 60 коп. с тысячи. И вот рабочий начинает выбирать доски, сперва сверху, потом все ниже и ниже, балансируя при помощи багра над пропастью. Земля в продолжение всех рудничных работ оседает, дает трещины. Тут и укрепленным дудкам не поздоровится, а не только тем, которые «без заборок». Малейшая неосторожность — и рабочий покатится вместе с нею на дно. Чтобы получить 1.000 заборок, нужно разобрать 5 — 6 дудок. В случае увечья контора только лечит рабочего даром, а когда дело оканчивается более серьезно, — и этого не требуется. Был человек — и не стало его; вот и все тут.

Вязники (Владимирской губ.). Здесь в сельце Лосеве была в марте месяце стачка на фабрике Сенакова. Рабочих там около 900. Требовали смены управляющего. Стачка увенчалась успехом.

Борисоглебск (Тамбовской губ.). В нашем городе имеются железнодорожные мастерские о-ва Юго-Восточных ж. д. Рабочих около тысячи человек. Движения до сих пор среди рабочих не было никакого, если не считать двух стихийных и незначительных вспышек. Первая была вызвана лет 6 тому назад злоупотреблениями железнодорожной администрации, которая потихоньку и полегоньку присваивала себе деньги, вычитавшиеся из заработной платы якобы на пенсионное вознаграждение рабочим. За пределы мастерских этот конфликт не выходил; администрация струсила и возвратила рабочим все деньги. Вторичное столкновение рабочих со своим начальством произошло в мае прошлого года.

Прихвостень начальника мастерских практикант Бишевский для того, чтобы обратить на себя внимание, страшно понизил обычные расценки. Рабочие едва его не разорвали. Начальник мастерских Петрашевский для успокоения рабочих удалил Бишевского, но расценки не изменил.

В этом году в нашем богоспасаемом граде 1 мая распространены были в значительном количестве (около 600) прокламации. Орг. Комитета. Переполох получился страшный. Рабочие не работали. 20 июня в пятницу началась настоящая стачка. Меньшинство сначала было против, но большинство принудило его присоединиться к стачке. О причинах стачки можно судить по требованиям в прокламации, изданной с помощью пишущей машины: 1) Удаление помощника начальника мастерских Кожухова (его едва было не убили). 2) Сокращение рабочего дня до 8 часов. 3) Повышение заработной платы. 4) Уничтожение штрафов. В этом отношении дело дошло до того, что рабочие, получающие 40 коп. в день, лишаются в месяц 3 — 4 рублей в форме штрафов. Пятый пункт гласит, что если эти требования не будут удовлетворены, то рабочие сумеют добиться удовлетворения их силой. Ведут себя стачечники выдержанно. Вследствие этого начальство не знает, что с ними делать. В субботу, 21-го, приехал сам управляющий г. Павлов из Воронежа. Что было в понедельник, пока неизвестно. В пятницу же с утра и в субботу работ не было.

Судя по легальным газетам, стачка окончилась 29 июня.

С.-Петербург. К положению рабочих на казенном инструментальном заводе. Безработица у нас принимает все более широкие размеры, каждый день фабрики и заводы выкидывают на улицу десятки и сотни «ненужных» рабочих... Видя эту безра-

ботную армию, наше заводское начальство без всяких церемоний понижает расценки, увеличивает число рабочих часов, издевается над человеческим достоинством рабочих. Под страхом расчета оно заставляет нас чистить ватерклозеты, мыть полы в казенных квартирах, и это после 13—15-часовой работы! На заводе у нас существует настоящая военная дисциплина; напр., жалобу на мастера или штучника нужно подать... самому же мастеру (об этом вывешен приказ за подписью начальника завода), так что выходит, что мастер должен доносить высшему начальству на самого себя!.. Или еще: есть у нас на заводе старик-рабочий Сенкевич; он уже почти совсем одряхлел от тяжелой работы, и теперь, когда старик ищет минуты отдыха в ватерклозете, начальник отдела Винтер набрасывается на него с криком: «чего сидишь!» и бедному старику, чтобы не умереть с голода, приходится стоять на больных ногах по 15 часов в сутки. Кроме того, у нас берут подписку от каждого рабочего, что он умеет работать на станках, таким образом, при несчастных случаях начальство не отвечает и не выдает ни одной копейки, а моментально выбрасывает на улицу искалеченного рабочего. Не ограничиваясь постоянным понижением расценок, наше заводское начальство часто отдает работу мастерам, а эти господа являются такими же эксплоататорами, как и наше царское начальство: нередко они набирают с улицы безработных и выжимают из них последние соки. Вообще, произвол у нас достиг крайних пределов, а при нашем заработке трудно прокормиться одному человеку, не только с семейством. Пора, товарищи, и нам примкнуть к борьбе с подлым правительством, угнетающим весь рабочий люд. Вне борьбы нет для нас спасения!..

Пермь. Местный Комитет Р. С.-Д. Р. Партии еще в январе послал свое заявление о полной солидарности со взглядами, проводимыми в «Искре», но до сих пор это заявление не опубликовано. В марте месяце Комитет приветствовал возникший Организационный Комитет, но об этом также, повидимому, не было напечатано *. До июля 1902 г. здесь существовала группа «Борьбы за освобождение рабочего класса»; с июля же эта группа преобразовалась в Комитет Р. С.-Д. Р. Партии. В течение года Комитетом выпускались листки (около 20 листков) как по поводу заводских нужд, так и общего характера. В виду полного отсутствия печатной литературы Комитетом с января месяца предпринято издание (на гектографе) местного органа («Рабочего Бюллетеня»: вышел 40-й №). Только при помощи бюллетеня и приложения к нему (с мая мес. вышло 4 прилож.) возможно сообщать рабочим наиболее выпуклые факты революционной жизни. Громадный спрос на «Искру» удовлетворить Комитет до сих пор не был в силах. №№ «Искры» так зачитывались, что получались одни клочки. Перед 1 мая Комитетом выпущены были сначала прокламация, раз'ясняющая значение 1 мая (300 экз.), а потом прокламация, в которой рабочие призывались не работать в день 1 мая (1.000 экз.); кроме этого Комитетом распространены были и прокламации Орг. К. В день 1 мая только часть рабочих не работала. Полиция, жандармерия и войско были на ногах. Ждали, конечно «бунта». «Бунта» ждали и обыватели. Вообще «майские тучи» нависли и над Уралом. Урал в настоящее время сильно беспокоит правительство. Хроническая распря заводских рабочих и крестьян с графами, князьями и просто Колупаевыми все чаще и чаще приобретает острый характер. Поводов к этому, конечно, масса, так как хищнические инстинкты уральских магнатов до последнего времени не имели границ. Даже русские «законы» их не удовлетворяют, и посему подкупы и насилие царят везде. Местное губернское присутствие, не говоря уже о полиции и земских начальниках, толкует «законы» в угоду магнатам. Да и центральная власть не отставала. Так, напр., во вновь изданном своде законов (февраль 1903 г.) не оказалось статьи, по которой заводоуправления обязаны были в случае закрытия или временного прекращения работ на заводе выдать рабочим провизии на год. Как это просто: взяли да выбросили статью, не отмененную в законодательном порядке! Так было до последнего времени, но теперь, когда оппозиционное настроение грозит вылиться в бунт, правительство, повидимому, увидело, какую агитационную роль играют все эти бьющие в глаза отступления от закона. Наприм., в декабре был по телеграфу вызван ходатай по крестьянским делам некто Эсмант (бывший земский начальник, которого губернатор Арсеньев выслал из губернии на три года за вредную (?) деятельность) самим Плеве в Петербург. Разговор с Плеве был длинный о предстоящем бунте. Эсмант, между прочим, указал на беззаконный образ действий местного присутствия в толковании статьи закона о лесе, растущем на крестьянском лугу, и высказал сожаление, что сенат только через три года будет рассматривать жалобы крестьян на присутствие. Плеве тут же по телефону начал давать инструкции, и через две недели сенат рассмотрел уже дело и отменил решение присутствия. В феврале Плеве откомандировал чиновника Савича для ревизии губернии; Савич раз'езжал по заводам и принимал жалобы. Гг. Эсмантами ограничиться, конечно, нельзя, и параллельно с этим направлением идет более сильное и ощутительное. Усилен штат жандармов (открыто особое сыскное отделение под руководством ротмистра из департамента, действующего независимо от местного жандармского генерала), полиции, войска и, наконец, смена помпадура!!

«Уральский Союз» прикончил свое существование. Социал-демократы здешнего «союзного» Комитета присоединились к существующему здесь Комитету Соц.-Дем. Раб. Партии.

Астрахань. Из прошлой корреспонденции («Искра» № 39) читатель знает о здешних опытах замазывания «душевным словом» революционного настроения, нарастающего в рабочей массе. За последнее время и стихийное возбуждение массы резче определилось и в подлинном своем уборе (штык и нагайка) выступила перед «улицей» царская опричина; в то же время местная группа революционной социал-демократии сочла необходимым вступить в качестве Комитета Партии, и мы имеем возможность печатно сообщить некоторые данные о местном социал-демократическом движении.

Всю зиму организация была занята кружковой работой, имевшей задачей завязать сношения с возможно большим числом пунктов скопления рабочих. Первой пробой сил было майское собрание. Решили на первый раз созвать лишь ограниченный круг товарищей, близким образом связанных с организацией. Провести предприятие было поручено нескольким молодым товарищам при участии одного из членов «Центр. Группы». Хотя и не без некоторых ошибок и шероховатостей, предприятие все же было проведено. В один из апрельских дней было созвано около 80 человек. На число участников, большее 100 человек, организация за раз'ездом большей части ремонтных рабочих и не могла рассчитывать. Несколько коротких речей— о маевках, о политической борьбе, об условиях умственного развития рабочих, о зубатовщине, обмен мнений об условиях и шансах местного движения, атмосфера небольшой, но единодушной товарищеской группы, дружным кличем «долой самодержавие! да здравствует Росс. С.-Д. Раб. Партия!», встречавшей призывы ораторов и красное знамя, — все это оставляло бодрящее впечатление и укрепляло надежду солидарной упорной работой поднять до уровня открытой массовой борьбы движение нашего отсталого района. В конце апреля было распространено 600 майских листков Организационного Комитета. В конце апреля и в мае в городе царило необычное возбуждение. Новый рыболовный устав вызвал брожение в широкой массе «ловцов», безработица продолжала питать возбуждение рабочих. Противоправительственные рассуждения и возгласы можно было услышать повсюду. В воздухе висел «бунт». Администрация считала «бунт» в высшей степени вероятным и усердно готовилась к нему: тысячи безработных были спроважены из города, по улицам сновали вооруженные пешие и конные патрули. Всего опаснее было то, что под влиянием кишиневских событий возбуждение непросвещенной еще социал-демократической агитацией массы грозило прорваться по линии наименьшего сопротивления («начнем с жидов, потом примемся за казенные,—

---

* Оба заявления не попали в наши руки. Ред.

всем достанется») и кровавое «усмирение» в глазах широкой публики покрылось бы ореолом охраны жизни и имущества любезных верноподданных. Такое положение вещей определило содержание и тон прокламации, с которой выступил местный Комитет. 15—16 мая 400 экз. листка было разбросано в разных местах города (частью и в окрестности — стеклянный завод); разбрасывание произведено организованными рабочими и прошло весьма удачно: ни одной потери; листки разошлись достаточно широко, слухи о них — еще шире. Что крайне огорчало и Комитет, и всех друзей партии, так это совершенно неудовлетворительная техника. Комитет рассчитывал непосредственно после мимеографическ. пустить в обращение печатные листки (содержание — политическая агитация), но одна конспиративная неудача отодвинула выполнение проекта. За последние дни Комитетом раздавались и разбрасывались листки Спб. Ком. «Лиса-проповедница» (о Богдановиче и его душевном слове) и «Трэд-юнионизм и соц.-дем.». Всего пущено в оборот 1.000 экз. На заводе Нобеля разложено в мастерских 25 экз. Насколько тесно удалось Астраханскому Комитету связать себя с массой и насколько прочно поставлено дело, с уверенностью сказать еще не можем; это выяснит ближайшее будущее; особенности состава рабочей массы требуют выработки своеобразных форм организации и должны наложить отпечаток на содержание местных агитационных листков.

Иркутск. На станции Иннокентьевской (близ Иркутска) в депо Сибирской жел. дороги 1 мая возникла стачка. На предварительных собраниях рабочие выработали свои требования в очень радикальном духе, включив восьмичасовой рабочий день и возвращение рабочим всех штрафов, взысканных с них со времени открытия мастерских. Эти требования были воспроизведены в прокламации Иркутского Комитета, которые были распространены на станции Иннокентьевской. Немедленно наехали губернатор с жандармами и произвели несколько арестов, которые запугали рабочих, благодаря чему на четвертый день они вернулись на работу, ничего не добившись.

В день 18 апреля в Иркутске не работали отдельные группы рабочих. То же было и в Чите и даже в Харбине. И тут и там были небольшие демонстрации.

Русско-еврейские рабочие в Англии.

Лондон, 20 июня. В огромном зале Great Assambly Hall, вмещающем больше 5.000 чел., был митинг по поводу кишиневского погрома, устроенный совместно еврейской ветвью Английской соц.-дем. федерации (S. D. Federation), местной русской соц.-дем. группой, принадлежащей к Лиге, и ферейном «Векером», принадлежащим к Бунду. Зал был переполнен. Речи ораторов покрывались громом рукоплесканий. В митинге участвовали многие ораторы из известных английских социалистов. Была проведена резолюция, протестующая против антисемитической политики русского правительства, которое издает исключительные законы против евреев, поощряет антисемитическую прессу и еврейские погромы, видя в них средство против все развивающегося соц.-дем. рабочего движения в России. В резолюции было выражено сочувствие Росс. С.-Д. Рабочей Партии и в частности Бунду, и была высказана уверенность, что только социализм межет вырвать с корнем антисемитизм, как и всякую национальную ненависть. В речах ораторов проводилась мысль, что только классовая организация и международная солидарность пролетариата может обеспечить истинную свободу и что только этим путем можно осуществить идеалы социализма и вырвать всякую рознь между национальностями. Еврейские рабочие приглашались к дружной работе совместно с рабочими других национальностей, населяющих Россию. Всем рабочим, как еврейским, так и русским, польским и другим, рекомендовалось устраивать, на случай новых погромов, вооруженные отряды для сопротивления погромщикам.

Митинг закончился криками: «долой самодержавие!», «да здравствует Росс. С.-Д. Рабочая Партия!», «да здравствует Бунд!», после чего была пропета «Марсельеза», и публика разошлась в самом восторженном настроении.

На другой день была в Гайд-Парке демонстрация протеста против кишиневского погрома, устроенная различными организациями.

По поводу митинга в Great Assembly Hall были сочувственные и довольно подробные отчеты не только в социалистических, но даже и в буржуазных английских газетах, как «Times», «Daily Chronicle» и др.

Вообще кишиневский погром и изгнание из России корреспондента газеты «Times» сильно дискредитировали русск. правит-во в глазах английской публики и подняли престиж русских революционеров. Теперь то и дело появляются корреспонденции по поводу борьбы, происходящей в России за свободу.

ИЗ ПАРТИИ

В листке о «годичных итогах» своей работы Киевский Комитет пишет:

«За истекший год Киевским Комитетом было получено и распространено около 10 пудов социал-демократической литературы заграничного издания. Преимущественно это были следующие издания: 1) „Искра" №№ 15 — 38 в количестве, примерно, от 100 — 400 экземпляров каждый номер, всего 3.000 экземпляров, 2) „Заря" №№ 2 и 3 и 4, в количестве 150 экземпляров, и издания „Зари" — брошюры „Что делать?", „Самодержавие и земство" и др., примерно, в таком же количестве. 3) Агитационная литература: брошюры „Кто чем живет", „Самодержавие и стачки", „Штундист Павел Руденко", „Рассказы из французской революции", „Две речи", „Десятилетие морозовской стачки" и др. К сожалению, этой агитационной литературы по сравнению с „Искрой" и другими изданиями было слишком мало — пуда два с половиною. Кроме того, распространявшиеся брошюры не удовлетворяли требованиям рабочих. У нас громадный спрос на агитационную литературу, которая в доступной, живой форме знакомила бы читателя с основными положениями социал-демократии и с отношением ее к важнейшим общественным явлениям. Очень необходимы, например, интересно написанные, по возможности в разговорной форме, краткий катехизис социал-демократа, летучие листки или брошюры, которые отвечали бы на вопросы: что такое социализм? что такое политическая свобода? что такое самодержавие? кому нужны еврейские погромы? чего хотят студенты? кому служит войско? что такое кризис? и т. д. Нужны брошюры о декабристах (оттиск статьи Плеханова из «Зари»), о 19 февраля, о 1-м мая и т. д. К сожалению, таких брошюр мы не могли достать. Это — пробел, который необходимо должен быть заполнен, так как отсутствие таких брошюр и листков заграничного производства, хорошо написанных, раз навсегда изданных и припасенных в большом количестве, заставляет Комитет ежегодно возвращаться к одним и тем же темам, отрывает местные, обыкновенно довольно скромные, силы (литературные и технические) от более доступной для них работы и, таким образом, заставляет их заниматься „кустарничеством". Вообще недостаточно правильная постановка общерусского издательства дает себя чувствовать. Так, из числа 42 листков, изданных типографией Киевского Комитета с сентября по 2 мая, около десяти листков посвящены темам общерусским; между тем Киевский Комитет значительно больше других Комитетов обращал внимание на местную жизнь и старался использовать хотя бы и мелкие факты ее в целях агитации. Для этого им издавалась в течение минувшей зимы местная хроника в виде «Киевского Социал-Демократического Листка». В «Листке» отмечались всевозможные события преимущественно местной жизни, имеющие социал-демократический интерес. Так, например, в напечатанных в нем статейках были отмечены: секретные приказы Драгомирова, студенческие сходки, выселение из Киева 500 еврейских семей, юбилей Новицкого, демонстрация на Подоле, преследования штундистов, злоупотребления местной администрации, предательства, аресты, стачки и т. д.; кроме того, в „Листках" помещены письма рабочих с описанием порядков на фабриках и в ма-

стерских. Помимо того значения, какое имеет предание гласности всевозможных фактов насилия и эксплоатации, находящихся под спудом, хорошо осведомленный, часто выходящий местный листок имел бы громадное политически-агитационное значение, являясь проводником социал-демократических идей в массы и давая рабочим политическое знание окружающей жизни.

«До сих пор Киевский Комитет совершенно почти не касался тех явлений местной жизни, которые выходят за пределы фабрики или мастерских. Им выпускались раньше или листки на обще-русские темы или листки, догматически излагающие основные положения социал-демократии, или же так называемые цеховые прокламации. Таким образом, на местную жизнь Комитет совершенно не реагировал, если не считать цеховых листков. Из изданий этого года мы видим, что Комитетом признана необходимость несколько расширить круг явлений, подлежащих социал-демократической оценке в нелегальной литературе. Нужно признаться, что нами сделано в этом направлении очень мало. Невозможно сомневаться в том, что каждый день приносит новые факты правительственного гнета, проявляющегося в деятельности разнообразных правительственных учреждений, сосредоточенных в Киеве. Киевские суды, киевское духовенство, администрация, военные власти, университет и гимназии, „Киевлянин", жандармерия, наконец, бесспорно могли бы дать массу ценного обличительно-агитационного материала. Но в силу недостатка сотрудников, несовершенства технических приспособлений, недостаточной осведомленности революционных сфер и оторванности их от жизни, чрезвычайно важное дело правильной постановки местной обличительно-агитационной литературы не было надлежащим образом осуществлено и в этом году. Всего с сентября по май месяц Киевским Комитетом было издано 42 печатных листка в количестве 50.500 экземпляров. Считаем небесполезным привести полный список этих изданий: Сентябрь. К слесарям, к столярам, к корсетницам. Октябрь. Солдатская памятка и обращение к новобранцам. Суд над полтавскими крестьянами. Ноябрь. Признание „Искры" руков. орган. К юбилею Новицкого. К портным, К рабочим Южно-Русского завода, к типографщикам, „Киевский С.-Д. Листок" № 1. Декабрь. „С.-Д. Листок" № 2, № 3 и № 4. Январь. „С.-Д. Листок" № 5, № 6, № 7, к сапожникам, к тпиографщикам. Письмо железно-дорожного рабочего. Февраль. Голос киевских рабочих. Открытое письмо, 19 февраля, Демонстрация на Подоле, Ко всем киевским булочникам и хлебникам, „С.-Д. Листок" № 8. Март. О манифесте и еще О манифесте, Голос орган. железно-дорожных рабочих, „С.-Д. Листок» № 9, „Голос Рабочего", К извозчикам. Апрель. Почему русскому рабочему нужна политическая свобода? Опять убийства... Ко всем жителям города Киева, На улицу, товарищи! Кому нужны еврейские погромы? Почему была отменена демонстрация 20 апреля? 1-е мая. Ко всем киевским рабочим. Зубатовцы в Киеве. Памяти Д. Я. Логвинского».

Далее Комитет отмечает относительное ослабление притока денежных средств в его кассу и слабую поддержку, оказанную ему в этом году местным студенчеством, усиление в его среде тяготения к «социалистам-революционерам» и «разлагающее влияние», оказываемое на студентов «булгаковщиной» и «Освобождением», которые, по наблюдениям Комитета, вызывают охлаждение и скептическое отношение к социал-демократическому движению, но в то же время не создают себе многочисленных активных сторонников.

Зато все более и более растет активное участие в соц.-дем. организации самих рабочих. «Денежная поддержка, оказанная Комитету в минувшем году рабочими, значительно превышает даже сумму студенческих пожертвований»... «Рабочие сколачивают довольно крупные суммы копеечными сборами»... Комитет, далее, отмечает, что «рабочий становится центром революционного движения в России: об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы отчеты Киевского Красного Креста... 3 — 4 года назад рабочие едва составляли 10 — 15% общего числа арестованных, в прошлом году их уже было 48%, в этом году — с января по май — рабочих было более 75% общего числа арестованных».

За время с 1 ноября 1902 по 1 мая 1903 г. доходы Комитета составляли 1.297 руб. 48 коп. Было бы очень желательно, чтобы все наши организации публиковали отчеты, подобные тому, с которым мы знакомим читателя.

Одесса. Местным Комитетом Росс. С.-Д. Раб. Партии был выпущен листок «Самодержавие и сионисты» — ответ на изданную сионистами прокламацию. В ответ на листок Комитета сионисты разразились грубой бранью, ничего не сказав по существу. Комитетом же изданы проклам. «О кассах взаимопомощи» (в 5.000 экз.) и «Что такое политическая свобода» (10.000 экз.). В ответ на листок Комитета о «независимых» последние издали «Ответ социал-демократам».

Сибирским Союзом издан листок «Два злодейства» (о Златоусте и Кишиневе). — Донским Комитетом «Что такое народное правление?». — Комитетом Кишиневской Соц.-Дем. организации издан первый выпуск «материалов» о кишиневской бойне, содержащий много очень ценных данных. — Воронежской с.-д. кассой борьбы издан листок: «К народным учителям и учительницам». — Бакинским Комитетом издан «Листок» № 2 и прокламации о движении раб. в Николаеве и о стачке в Баку.

Вышла в издании «Лиги» брошюра: «Об аграрной программе» Икса с ответом Н. Ленина.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. В начале июня арестованы слушательница зубовр. курсов Бенар, ее брат, г-жа Герценберг, Глебов (рабочий?) и другие. — Самара. Арестован Матов. — Пермь. В марте арест. братья Поповы (служащий в земской управе и учитель в Добрянке) и интелл. Огладенов. В апреле (в ночь на 4-е) были обыски у жел.-дор. служащих: Савельевой, Ткаченко, Крупновой и Еловиковой. В ночь на 22 апр. арестованы бывш. студ. Б. Володин и Н. Скворцов, служ. на железной дороге Янкевич, ученица фельдш. курс. Попова (вып.); у бывш. учителя Высотина, служ. на жел. дор. Ткаченко и бывш. студ. Шнеерова — обыски. 30 апреля арест. уч. фельдш. школы Драпкин (вып.) и интеллиг. Рутман; в апреле же взяты рабочие Норицын и Балдин. 5 мая — д-р Кутилов (вып.) Студ. Крылинга и уч. горн. училища Добровинского после двухмес. тюрьмы выслали этапом в Архангельскую губ. За февральскую стачку в Мотовилихе сослали в Арх. губ. на три года пятерых рабочих и на родину под гласный надзор полиции — 18 челов. 20 июня арест. секретарь «Перм. Края» А. Наумов, был обыск у врача Н. Иванова (раньше — в мае — уже был обыскан), интелл. Сюзова и учитель прогим. Швецовой. — Верхне-Чусовское. Взят крестьянин Попов и другие крестьяне. — Добрянка. Арестов. рабочие Плюснин и Копылов. — Кунгур. Взят врач Чемоданов и ветер. врач Дмитриев. — Село Слудка (Перм. уезда). Был обыск у учителя Розумова. — Село Плес (того же уезда). Обыск у учит. Ванюкова, а в деревне Залесной — у учителя Шлюнина. В настоящее время в Пермской тюрьме содержится 15 человек. Сыску помогали провокаторы и предатели: учитель Верхне-Чудского Л. Степанов, рабочий Калашников, учительница завода Полазно Мерзлякова и помощница учит. Бердолиск. училища (Оханск. уезд.) Чечулина. — Екатеринбург. 5 июня арестован И. П. Тарасов (бывш. моск. студ.); Солодников (учен. Горного Урал. уч.); раб. Мельников (с завода Ятес). — Около 10 июня арестованы в Каслях и привезены в здешнюю тюрьму: Кочетов (лесничий); Кривоусов (помощник лесничего) и рабочие Блиносков и Захаров.

Освобожден из австрийской (Тарнопольской) тюрьмы Мариан Гурский (бежавший в августе 1902 года из Киевской тюрьмы), арест. в марте по обвинению в транспорте изданий «Искры». С ним вместе освоб. арестованный одновременно Надежин.

Приговоры: По делу типографии «Южн. Раб.» в Кременчуге (апр. 1900 г.) после трех слишком лет следствия приговорены: акушерки Гутман и Грант к трем годам В. Сиб.; супруги Бушовер — двум годам гласного надзора. — Врач Ф. И. Гурвич, арест. нелегальным в Москве в апр. 1902 г. (дело «белост. с'езда»), сослан до приговора в Вост. Сиб. — Ставропольский землевладелец Н. Н. Безменов выслан 4 июля на 5 лет в Архангельскую губ. — Уфимский ссыльный Квятковский сослан на 5 лет в Вост. Сибирь. — Конвойные солдаты, на глазах у которых бежала из Киевского жандар. упр. Инна Леман, присуждены к 3½ и 2½ годам дисциплинарного батальона.

Г-жа Мандельштам, сосланная на пять лет в Вост. Сиб. из Спб. (дело дек. 1901 г.), ныне подала покаянное прошение и возвращена в Киев.

Рувим Фридман, сосланный в Якут. обл. в 1900 г. по делу типографии «Рабочего Знамени», за попытку побега из Олекминска сослан в Верхоянск. — Солодуха, сосланный в 1900 г. на 6 лет по делу I С'езда Росс. Соц.-Дем. Раб. Парт., отсиживает в Якутске 3 мес. тюр. закл. за найденную у него нелегальную литературу.

Бежали: из Киренска — Гатовский; из Олекминска — в третий раз — Вольфзон и во второй раз Каммермахер. Из Енисейской губ. — Розин, учитель (рижское дело «Бунда») и доктор Заионччковский (дело Р. Р. S.). Из Кургана — С. Волошкевич (екатерин. дело 1900 г.).

Некролог. В начале мая в Якутск. обл. покончил жизнь самоубийством Мартынов (Борисович), выпущенный в 1896 г. из Шлиссельбургской крепости, где находился в заключении с 1885 г. после осуждения Киев. военным судом (дело Шебалина, Панкратова и др.) за принадлежность к «Нар. В.» и вооруженное сопротивление. По происхождению Мартынов был рабочим.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В БАКУ.

После того, как номер был сверстан, мы получили следующие известия:

Баку, 3 июля. За последнее время здесь сильное стачечное движение. Скоро за стачкой на табачной фабрике Мирзабекянц (800 чел.) была стачка на заводе Хатисова (300 чел.); длилась семь дней, выиграна. Однако впоследствии уступки взяты назад.

2 июля забастовали: на Биби-Эйбате: мастерские Хатисова, Биби-Эйбатского нефт. общ. Манташева, нефт. общ. «Шихово», «Олеул», «Меилов и Таиров», Тифлисского нефт. общ. и нек. других, всего около 1000 человек. В Черном Городе: Хатисова (300 чел., в третий раз), Левинсона (300), Мальникова (80), Эйзеншмидт (100); 3 июля присоединились: жел.-дор. депо (500) и мастерские конножел. дор. (25), заводы Лапина и Рисева (20) и Бардера (30), итого в Черном городе около 1.500 рабочих. Боевое настроение и в Балаханах и у Нобеля и каждую минуту может вспыхнуть общая забастовка. К сожалению, далеко не все готово к этому... До сих пор столкновений с полицией не было. Листки выпускаются Бакинским Ком. и Черногор. Районным Комитетом.

3 июля, в десять час. утра, в Черном гор. состоялась сходка около 2.000 забастовавших рабочих. Были произнесены речи на тему о необходимости борьбы, пели «Марсельезу». К обеду прискакали власти.

В Тифлисе тоже были стачки и демонстрации на жел. дор. по поводу отправления в ссылку сидящих уже два года в тюрьме членов комитета. По слухам, рабочие разогнали жандармов, остановили поезд и пр. Но оказалось, что отправляли с соседней станции.

Баку, 4 июля. Стачка распространяется: вчера к обеду в Черном городе стал завод Нобеля, сегодня — Шибаева, Ротшильда (Касо-Черноморск. общ.) и много мелких. Сейчас бастует весь Черный и Белый города и Биби-Эйбат. Работают только промыслы на Биби-Эйбате и, кажется, рабочие-персы на керосиновых заводах Черного и Белого гор. Относительно Балаханов точно неизвестно, но, несомненно, стачка может вспыхнуть там каждую минуту. Общее число бастующих (о которых сейчас известно) — около 5.000. Сегодня было только небольшое собрание на Биби-Эйбате. Ожидается грандиозное общее собрание... Рабочие всей массой идут на тот завод, где в данный момент ведутся переговоры с администрацией. Так, перед заводом Нобеля сегодня собралось 3.000 народу. Из-за стачки железнодорожного депо стали товарные поезда. Думают, завтра станет конка. Общее настроение — приподнятое и торжественно-праздничное. Хозяева идут на большие уступки. Фабричная инспекция ведет себя корректно. С утра казаки (200 чел.) гарцуют по Черному гор., но не вмешиваются пока. Власти пока бездействуют. Кажется, начались аресты.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В № 27 «Революционной России» члены «боевой организации партии социалистов-революционеров», «товарищи Балмашева по делу второго апреля», напечатали статью, по поводу которой мы считаем нужным сделать нижеследующее заявление.

Деловое содержание этой статьи, — независимое от ее полемической орнаментики, которую мы рекомендуем вниманию любителей «приличного» и «товарищеского» тона, — представляет собою, насколько мы его понимаем, вызов русской социал-демократии на третейский суд по делу о «клевете» «Искры». Третейскому суду гг. соц.-рев. предлагают доставить конспиративные сведения, доказывающие, по их мнению, принадлежность Балмашева к «боевой организации партии социалистов-революционеров».

С своей стороны редакция «Искры» на третейский суд вполне согласна.

Первым шагом к организации этого суда должно быть соглашение обеих сторон о том, какой вопрос подлежит его разбору. Мы утверждаем, что спорный вопрос сводится здесь вот к чему:

Имела ли «Искра», — при данных обстоятельствах дела, — нравственное право и разумные основания: 1) не согласиться на требование «боевой организации» изменить данную в № 20 «Искры» оценку акта Балмашева и 2) усомниться в достоверности всех сделанных в то время «боевой организацией» и «партией соц.-рев.» заявлений по делу Балмашева?

Другой постановки вопроса быть не может, как ясно показывает история вызванного этим делом литературного спора. Вопреки уверениям «Рев. Росс.», обвиняемой стороной в этом случае является именно наш орган, и третейский суд должен решить, насколько основательно так усердно выдвигаемое против него обвинение.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Македонский вопрос, письмо о германских выборах и корреспонденция из Донецкого бассейна и Екатеринбурга отложены до следующего номера.

Кружку русских анархистов. Г. В. Плеханов своего согласия на издание его брошюры антисоциал-демократической группой не дает.

Получено от Сибирского Союза через Разностороннего 75 р. Через К. К. 15 фр. От друзей-читателей между апрелем 1901 и октябрем 1902 гг. 500 руб. От них же еще 500 руб. Из курорта N через Ш. 7 марок. За литературу из Берлина от Фриды через Матвея 18 мар. От «Тула П.» 8 руб. 40 к. От Цюрих. Сибирской кассы для А—а 42 фр. Орг. Комитетом от мечтателя через Петерб. Комитет — 1.000 руб.

Нас просят поместить следующий отчет:

Касса «Помощь эмигрантам» в Цюрихе. Отчет с 1 февраля по 10 июля 1903 г. Приход: Собрано в основание фонда 100 ф.; по подписным листам: из Давоса 45; из Лозанны 34; из Италии через Г. 40; из Нерви 30; из Парижа 50; из Цюриха 80,80; всего 279 фр. 80 с. Членских взносов 172 фр. 10 с.; из Монтрэ от доктора 5 фр.; с реферата г. Кулябко-Корецкого 25 фр.; из Берлина 5 фр.; пожертвования: 10 фр.; 5 фр. 80 с.; доход с вечера 55 фр. 50 с. Сумма 680 фр. 20 с. Расход: Больным эмигрантам: 15, 50, 10, 40, 79, 100, всего 294 фр. Единовременно эмигрантам: 30, 40, 15, 10, 10, 20, 50, 8, 35, 41, всего 259 фр. Заимообразно эмигрантам: 40, 30, всего 70 фр. Разные расходы 15 фр. 80 с. Остаток наличными 41 фр. 40 с.

9 июня 1903 г. Комитет.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Новая Рейнская Газета» — «Neue Reinische Zeitung» — (1/VI — 1848 г. по 19/V — 1849) — формально орган «демократической партии», выходивший в эпоху революции 1848 г. в Кельне. Фактически, благодаря руководящему участию в «Н. Р. Газете» Маркса и Энгельса, газета явилась органом немецких рабочих, революционную борьбу которых она организовала и идейно вдохновляла. В 1849 г. газета была закрыта за ее крайне революционное направление.

Прим. 2. Руге, А. (1802 — 1880) — немецкий писатель и политический деятель, левый гегельянец. В 40-х годах вместе с Марксом, будучи эмигрантом, издавал радикальный журнал «Немецко-Французский Ежегодник». В 48 г. был членом франкфуртского парламента — учредительного собрания, созванного для выработки общегерманской конституции, и издавал демократическую газету «Die Reforme». Когда наступила реакция, Руге эмигрировал в Лондон, где пытался для борьбы с реакцией организовать международную ассоциацию радикальных демократов. Позже перешел на сторону воинствующего национализма, вернулся в Германию и об'явил себя сторонником об'единительной политики Бисмарка.

Прим. 3. Врублевский Валерий (1836 — 1908) — выдающийся польский революционер. Принимал активное участие в польском восстании 1863 г. После разгрома последнего царским правительством эмигрировал в Париж. Во время Парижской Коммуны В. руководил защитой южных фортов против «версальцев». После поражения Коммуны переехал в Лондон, где вошел в состав Генерального Совета Интернационала. Состоял в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом.

Прим. 4. Меринг Франц (1846 — 1919) — известный деятель германской социал-демократии, историк и теоретик марксизма. Начав свою политическую деятельность как буржуазный демократ, Меринг в 90-х годах, под влиянием преследования Бисмарком социал-демократии, переходит в ряды последней. С этого времени Меринг по основным вопросам тактики занимает левую революционно-марксистскую позицию. В годы войны, вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, Меринг принимает активное участие в руководстве деятельностью левой группы «Интернационал». Впоследствии один из организаторов союза «Спартак» и коммунистической партии Германии. В дни Октябрьской революции, как и в момент заключения Брестского мира, Меринг поддерживал большевиков, разоблачая клеветнический характер писаний Каутского. Из многочисленных научных работ Меринга особенно известны — четырехтомная «История германской социал-демократии» и «Карл Маркс — история его жизни».

Прим. 5. «Право» — (16/I — 1899 — 4/1 — 1918 г.) — еженедельная юридическая газета, выходившая в Петербурге под редакцией В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии виднейших деятелей либерализма — Кузьмина — Караваева, Набокова, Петражицкого, Трубецкого и др. Вначале газета не выходила из узкого круга научно-юридических вопросов, впоследствии, с осени 1904 г., превращается в серьезный политический еженедельник. Фактически «Право» стало органом кадетской партии, отражая идеологию ее профессорско-интеллигентских слоев.

Прим. 6. Боголепов Н. П. (1846 — 1901) — профессор римского права, министр народного просвещения с 1898 г Отличился своей борьбой с революционным движением в высшей школе. При нем были изданы «Временные правила» о сдаче в солдаты студентов — за участие в «беспорядках». Применение этих правил вызвало сильное волнение среди студентов 14 февраля 1901 г. Боголепов был ранен студентом эсером Карповичем и через несколько дней умер.

Прим. 7. Ванновский П. С. (1882 — 1904) — военный министр при Александре III. В 1899 г. ему было поручено председательствование в комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. В 1901 г. после убийства Боголепова был назначен министром народного просвещения и получил от правительства поручение успокоить студенчество, сделав некоторые уступки общественным требованиям. Учитывая это, Ванновский освободил от отбывания военной службы сданных в солдаты при Боголепове студентов, разрешил студенческие курсовые собрания, легализовал институт студенческих старост, столовой и кассы взаимопомощи. Однако все эти льготы были обставлены такими стеснениями, что студенты отказались их принять. Революционное брожение в студенчестве не прекращалось, и в 1902 г. Ванновский подал в отставку.

Прим. 8. Дело латышских соц.-демократов. В мае — июне 1897 г. произошли аресты, разгромившие организационно-неоформленное марксистское движение в Латвии, группировавшееся около легальной марксистской газеты «Денес-Лапа» («Ежедневный Листок»). Хотя руководящую роль в этой газете играли тт. Янсон и Стучка, но все движение в целом по своему характеру было близко русскому «легальному марксизму». Закрытие «Денес-Лапа» и арест почти 200 человек, из которых карам в административном порядке было подвергнуто 87 человек, оборвали развитие марксистского движения на $1^1/_2$ года. В 1899 г. появились уже первые более оформленные социал-демократические группы и был организован «Рижский Рабочий Комитет», об'единявший работу кружков в Риге. В 1901 г. была организована рижская социал-демократическая организация, работавшая параллельно с существовавшим в том же городе Рижским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. В этом же году появились аналогичные организации в ряде других городов Латвии. В 1902 г. латышские соц.-демократические комитеты об'единились в «Прибалтийскую социал-демократическую организацию», в которую не вошла только одна Митавская организация, продолжавшая существовать под названием Курляндской группы.

Прим. 9. О манифесте 26 февраля — см. статью «Самодержавие колеблется» в № 35 «Искры».

Приложение к № 44 «Искры».

НАЧАЛО ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(К сорокалетнему юбилею Германской Социал-Демократической Партии.)

Глубокая реакция охватила Германию после 1848 г. Буржуазия, выступившая против старого феодального строя с его полицейским самодержавием и увлекшая за собой во имя демократических принципов только что начинавший пробуждаться пролетариат, вдруг испугалась революционных проявлений этого пролетариата и пошла на попятный. Ее трусливая, нерешительная, полная компромиссов тактика дала возможность реакционной партии, состоявшей из бюрократов и представителей полуфеодального землевладения, снова поднять голову и собраться с силами. Опираясь на эту партию, многочисленные германские правительства с яростью набросились на молодое, делавшее первые шаги, рабочее движение.

Ни гений Маркса и Энгельса, под редакцией которых выходила «Новая Рейнская Газета» («Neue Rheinische Zeitung»), ни энергическая и самоотверженная деятельность многих других членов Союза Коммунистов,[1] перебравшихся в то время в Германию, ни огненное красноречие Лассаля, только что выступавшего на арену общественной деятельности, — ничто не в состоянии было пробудить в рабочих массах ясного сознания их классовых интересов и об'единить их в стройную политическую организацию. Непреодолимым препятствием стояла экономическая отсталость Германии. Капитализм только начинал в отдельных областях ее (главным образом в Рейнской провинции, в Вестфалии, Силезии и Саксонии), делать свои завоевания, и драгоценные семена, принципы и взгляды «Манифеста Коммунистической Партии» падали на совершенно неподготовленную почву. Покинутые буржуазией, далекие от понимания своих классовых интересов, руководимые только неясным революционным инстинктом, заставившим их принять такое горячее, активное участие в мартовской революции 1848 года, рабочие в Германии были слишком слабы, чтобы выступить самостоятельно и отстоять от напора реакционных сил нужные им и уже завоеванные свободы. Все старания Маркса повлиять при посредстве той же «Neue Rheinische Zeitung» на буржуазию и удержать ее на революционной дороге также оказались бесплодными. Реакция восторжествовала, и рабочее движение было подавлено. Вместе с этим и буржуазия лишилась того, что успела завоевать в 1848 г.

Могильная тишина водворилась по всей Германии. Печать под напором реакционных постановлений замолчала. Деятели 1848 года, уцелевшие от погибели на баррикадах, томились в тюрьмах или в изгнании. Политические общества подвергались преследованиям, рабочие же союзы политического характера были совершенно запрещены союзным * постановлением 1854 года.

Но как ни свирепствовала реакция, остановить экономическое развитие страны было не в ее силах. Годы самой глухой реакции совпали с годами расцвета немецкого капитализма. Крупные предприятия быстро пошли в гору, промышленность развивалась и буржуазия богатела. Занятая своими барышами, довольная прекращением движения среди пролетариата, она забыла на время свои либеральные стремления и с легким сердцем переносила все проявления феодально-самодержавного режима.

Однако долго так продолжаться не могло. Скоро капитализм перерос те общественные условия, в которых он развивался. Для дальнейшего роста ему требовался полный простор, свобода конкуренции, свободный приток рабочих рук и т. д. Между тем полуфеодальная Германия, разделенная на 36 отдельных государств, на каждом шагу ставила ему препятствия. Этого терпеть буржуазия не могла. Она снова стала во главе либерального движения и, сложившись в германскую прогрессистскую партию, выставила на своем знамени прежний лозунг — об'единение всех немецких земель в единое отечество — и старые демократические требования. Чувствуя, что без поддержки масс ей не справиться с реакционно-консервативной партией, прогрессисты, прежде всего, обратили свои взоры на пролетариат.

Положение рабочих было в это время крайне тяжелое. Благодаря полному бесправию, они были лишены всякой возможности хоть сколько-нибудь ограждать себя от бессовестной эксплоатации почувствовавшей свою силу буржуазии. С другой стороны, и остатки феодального общества тяжелым гнетом лежали на их плечах. Всевозможные административные ограничения и постановления, как напр., рабочие книжки, при прописке которых приходилось наталкиваться на массу полицейских придирок, различных в каждом из 36 государств, совершенно отравляли существование. Глухое недовольство бродило среди рабочих. Последовавший за периодом процветания кризис 1857 года еще больше усилил брожение. Таким образом, почва для прогрессистской агитации была чрезвычайно благоприятна, тем более, что уровень сознания германских рабочих был еще очень низок. Мрачная, тянувшаяся 10 лет, реакция не могла содействовать его поднятию, и рабочие, подавленные политическим бесправием и остатками феодального строя, мечтали только об единой Германии, о свободе передвижений, промыслов, союзов, печати и т. д. Дальше их

---

* Германия в то время не была еще об'единена политически, связь между отдельными германскими государствами была федеративная (союзная).

желания не шли, а как раз это им и могла обещать прогрессистская партия.

И действительно, первое время ее агитация среди пролетариата имела несомненный успех. Рабочие готовы были пойти за ней куда угодно и оказать ей всякую поддержку в борьбе с реакцией. Но прогрессисты не забыли еще первого выступления пролетариата в 1848 г. и больше всего боялись широкого вовлечения масс в политическое движение. Они поставили себе целью привлечь рабочих на свою сторону, но так, чтобы они оказались послушным орудием в их руках. Отчасти им это и удалось, хотя и не надолго.

На помощь явилась буржуазная наука с проповедью теории гармонии между трудом и капиталом, «манчестерской» теории о государственном невмешательстве, теории о «самопомощи» путем сбережений и т. д. Все эти теории клонились к тому, чтобы рабочие не совались в политику и предоставили бы действовать своим «естественным руководителям», т. е. буржуазии, к которой они должны относиться с полным доверием. Для распространения этих взглядов и вообще для приобретения влияния среди рабочих прогрессисты принялись основывать наряду с разными потребительными, кредитными и даже производительными товариществами, с помощью которых Шульце-Делич рассчитывал разрешить социальный вопрос, так называемые «Союзы Самообразования» под руководством профессоров, писателей, ученых и других представителей буржуазной интеллигенции. Жажда знаний у рабочих была так сильна, что они охотно шли в эти союзы, и, начиная с 1860 года, они быстро распространились по всей Германии. Рабочие массы оказались на время под либеральной опекой.

Однако в конечном счете эти союзы сыграли для рабочих совершенно не ту роль, на которую рассчитывали прогрессисты. Надолго пропитать пролетариат своими взглядами им так и не удалось. «Союзы Самообразования» подняли общий уровень рабочих и таким образом расчистили почву для дальнейшего развития. Не во власти прогрессистов оказалось решить, какие именно семена взойдут на этой почве, и тут они жестоко просчитались.

Пролетариат пошел дальше, чем того хотели прогрессисты, и даже совсем не по той дороге, которая была желательна буржуазии. Если прогрессисты не могли забыть первого дебюта пролетариата на политической арене в 1848 году, то и у пролетариата сохранились еще воспоминания об измене, совершенной в то время буржуазией по отношению к нему. Нерешительная половинчатая тактика прогрессистов в их парламентской борьбе с феодально-реакционной партией еще больше подрывала к ним доверие. Немалое значение имело и то обстоятельство, что среди пролетариата имелись лица, еще помнившие старые традиции рабочих обществ, сметенных реакцией в 1854 году. В некоторых местах устройством обществ самообразования занялись старые революционеры 1848 года, бывшие члены Союза Коммунистов, вышедшие, наконец, из тюрем. Все это способствовало пробуждению, хотя и медленному, классового сознания пролетариата.

Навсегда примириться с постыдною ролью пассивного орудия в руках буржуазии рабочие никак не могли. Исключительно просветительный характер «Союзов Самообразования» перестал удовлетворять более развитых рабочих, и стремление принять хоть какое-нибудь участие в политической жизни делалось все сильнее. На этой почве возник вопрос о созыве рабочего конгресса для обсуждения своих дел. Инициаторами явились почти одновременно лейпцигские и берлинские рабочие.

В Лейпциге более развитые рабочие выступили из «Союза Самообразования» и основали особое общество «Вперед», носившее чисто политический характер. По его инициативе в Лейпциге происходили рабочие собрания, на которых обсуждались вопросы текущей жизни: о парламентской борьбе между прусским правительством и прогрессистами *, об отношении рабочих к прогрессистской партии, о созыве рабочего конгресса и т. д. На одном из этих собраний и был выбран комитет для созыва общегерманского рабочего с'езда.

Недовольные слабохарактерным поведением прогрессистов в парламентской борьбе, члены «Вперед» рассчитывали увеличить силу буржуазной оппозиции вовлечением рабочих масс в эту борьбу. Мысль о возможности полного разрыва с прогрессистами и о самостоятельной организации пролетариата еще не приходила им в голову. Все их желания сводились к допущению рабочих в прогрессистский Национальный Союз, основанный в 1859 году с целью об'единения всех либеральных организаций, и к внесению в программу прогрессистов пункта о всеобщем избирательном праве. Дальше этого они не шли, и рабочий конгресс должен был только придать этим требованиям большую силу.

Почти так же обстояло дело и в Берлине. Известную роль сыграло здесь посещение делегацией от германских рабочих всемирной промышленной выставки, происходившей осенью 1862 года в Лондоне. Сами прогрессисты содействовали этой поездке, имея в виду создать известный контингент более интеллигентных рабочих, владеющих профессиональным образованием (необходимость в таких рабочих начинает всегда чувствоваться на известной ступени развития капитализма). Они не рассчитали только того, что и в данном случае рабочие могут пойти, не считаясь с их желаниями, дальше, чем следует, и не ограничаться приобретением технических знаний. Так на самом деле и вышло. В Лондоне немецкие рабочие встретились с самыми развитыми рабочими других стран, также приехавшими на выставку, между прочим и с кружком Маркса, положившим в ближайшие за тем годы начало «Интернациональному Обществу Рабочих». Такая встреча пройти бесследно не могла. По возвращении на родину делегаты начали усиленно толковать о необходимости созвать рабочий конгресс. В Берлине состоялось несколько довольно многочисленных собраний, и в результате берлинские рабочие выбрали комитет, которому поручено было привести в исполнение это начинание. Но и здесь, как в Лейпциге, рабочие не думали о самостоятельном выступлении на арену политической жизни. Они продолжали полагаться на прогрессистов и добились только права принять участие в их борьбе с реакционными силами. Требования, которые берлинский комитет выставил в своем воззвании и обсу-

* Эта борьба завязалась в 1862 г. между министерством Бисмарка и большинством прусского парламента, состоявшим из прогрессистов. Поводом к борьбе послужил отказ прогрессистов увеличить расходы на армию.

ждением которых предлагалось заняться на предстоящем конгрессе, ни в одном пункте не противоречили программе прогрессистской партии.

Несмотря на это, прогрессисты приняли все имевшиеся в их распоряжении меры, чтобы помешать передовым рабочим привести в исполнение их намерения. В «Союзах Самообразования», почти целиком находившихся еще в руках прогрессистов, началась усиленная агитация с целью создать среди рабочих течение, враждебное Лейпцигскому комитету, которому были поручены после свидания с берлинскими рабочими все хлопоты по устройству конгресса. В том же направлении действовала прогрессистская печать, между прочим и «Всеобщая Рабочая Газета», издававшаяся прогрессистами в Кобурге специально для рабочих. Предпринимались агитационные поездки, созывались собрания, и в результате в Лейпциг начали приходить заявления от различных рабочих обществ с выражением сомнений относительно целесообразности конгресса. Наконец, в январе 1863 года собрались в Оффенбахе представители рабочих союзов семи больших городов, лежащих по течению Майна, и постановили предложить Лейпцигскому Центральному Комитету, чтобы он приостановил свои подготовления к конгрессу, а вместо этого созвал бы предварительную конференцию из представителей «Союзов Самообразования», которая и займется организацией с'езда. Этот шаг слишком явно клонился к тому, чтобы вырвать из рук Центрального Комитета руководство с'ездом и передать это дело в ведение «Союзов Самообразования», находившихся под влиянием прогрессистов. Центральный Комитет начинал терять под ногами почву. Все переговоры с вождями прогрессистской партии ни к чему не приводили, и депутации от Лейпцигского Комитета, отправлявшиеся с этой целью в Берлин, возвращались назад ни с чем. Найти исход из этого положения было необходимо, и тут-то выдвинулась замечательная личность Лассаля, надолго наложившая отпечаток на все рабочее движение в Германии.

Страстная натура борца и жажда живой кипучей деятельности заставили Лассаля 23-летним юношей ринуться в 1848 году в водоворот политической жизни. Он примкнул к левому крылу демократов и навсегда остался социалистом и республиканцем. Живой, пытливый ум заставлял его вникать в смысл происходивших явлений, сильное революционное чутье толкало его мысли в определенном направлении, а личные сношения с Марксом, бывшим в это время членом комитета рейнских демократов и издававшим «Новую Рейнскую Газету», довершили остальное. Уже в 1848 году Лассаль называл рабочий класс «единственным сословием, которому принадлежит будущее», и со всем жаром прирожденного агитатора проводил всюду, где только мог, идею о самостоятельной исторической роли, выпавшей на долю «четвертого сословия».

Замечательно, что он проникся этой идеей, оставаясь в то же время в теории идеалистом. Он понимал смысл и значение классовой борьбы пролетариата, но обосновывал ее развитием идей и правовых понятий, а не развитием экономических отношений. Впрочем, иначе, пожалуй, и быть не могло. Лассаль жил и действовал главным образом в экономически отсталой Германии, не дававшей и той картины капиталистического производства, которую дали Марксу и Энгельсу Франция и Англия. Арена его наблюдений, — при его кипучей натуре, стремившейся к непосредственному влиянию на события, — не дала ему проникнуть так глубоко в сущность современного общества и так понять внутренние пружины общественного развития, как это делал Маркс. История человечества для него — ученика Гегеля — осталась процессом смены идей: экономический материализм, об'ясняющий самое развитие идей сменой форм производства, навсегда оставался для Лассаля книгою за семью печатями. Но как раз те свойства его натуры, которые помешали ему последовать до конца за Марксом и явиться прокладывателем новых путей в истории человеческой мысли, создали из него того могучего борца, ту сильную личность, которая во имя идеи, для достижения раз намеченной цели в состоянии совершить чудеса.

Годы реакции не дали ему простора для политической деятельности. В своих письмах к Марксу за это время он указывает на происходящую в пролетариате внутреннюю работу мысли как на единственно отрадное явление тогдашней общественной жизни. Снова мы видим Лассаля на арене общественной деятельности только в 1860-х годах.

12 апреля 1862 года Лассаль выступил перед берлинскими рабочими со своей знаменитой лекцией «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия», положившей начало той агитации, которая целиком захватила его за последние два года его жизни и которая создала ему мировую известность. Резкими и сильными штрихами Лассаль старался обрисовать перед рабочими те задачи, которые выпадают на долю пролетариата в современном обществе. Блестящая по форме, проникнутая горячей симпатией к рабочим, эта лекция является талантливым и в то же время чрезвычайно популярным изложением основного положения «Манифеста Коммунистической Партии». Таким путем Лассаль надеялся дойти до сознания рабочих и пробудить в них классовый инстинкт.

Однако, несмотря на удивительное красноречие оратора и на воодушевление, с которым была произнесена эта речь, сильного впечатления на слушателей она не произвела. Рабочие еще стояли на очень низкой ступени развития и продолжали находиться под большим влиянием прогрессистов. К тому же главными слушателями Лассаля явились машиностроительные рабочие, долгое время составлявшие самый надежный оплот прогрессистской партии. Сам Лассаль прекрасно понимал, как мало благоприятна та среда, к которой он обращался. «Если бы мне удалось,—сказал он,—только у двух или трех из вас воспламенить сердца преданностью к этим идеям, я бы счел себя удовлетворенным».

В печати эта речь явилась под названием: «Программа Рабочих» *. Брошюра выдержала массу изданий, получила широкое распространение и не мало способствовала пробуждению классового сознания германского пролетариата. Но все это было значительно позднее. Первое же издание «Программы Рабочих» было немедленно конфисковано полицией, а оставшиеся несколько десятков экземпляров прошли почти незамеченными даже и для наиболее передовых рабочих, членов Лейпцигского Центрального Комитета. В это время они были заняты хлопо-

* 2-е издание на русском языке выпущено Лигой русск. рев. с.-д. в 1902 г.

тами по организации с'езда и рассчитывали еще поладить с вождями прогрессистской партии.

Только в январе 1863 года, получив на свое требование открыть рабочим доступ в Национальный Союз иронический ответ, что рабочие могут считать себя почетными членами, не делая взносов, которые лучше «сберечь», и, окончательно убедившись, что буржуазия не согласится допустить рабочих к активному участию в политической жизни и выдвинуть на первый план требование всеобщего избирательного права, члены Лейпцигского Комитета пришли, наконец, к убеждению, что необходимо порвать с прогрессистами и искать себе самостоятельных путей.

При таких условиях они решили обратиться к Лассалю, как к человеку, который обладает всеми данными, чтоб помочь им выбраться на верную дорогу. И действительно, Лассаль блестяще выполнил свою задачу.

После свидания с членами Лейпцигского Комитета и официального письма от него с просьбой изложить свой взгляд на рабочее движение и на средства, которыми оно должно пользоваться, Лассаль написал «Гласный ответ Центральному Комитету». Этот «Ответ» составил эпоху в рабочем движении Германии и положил начало той работе, которая привела к организации нынешней немецкой Социал-Демократической Рабочей Партии. «Точно бомба ударила», рассказывает Бебель о впечатлении, произведенном на всех «ответом» Лассаля. «В этой рукописи, — говорит историк немецкой социал-демократии Меринг, — Лассаль дал немецкому пролетариату то оружие, которое было ему необходимо, чтобы начать свою историческую борьбу за освобождение».

Пролетариат должен сорганизоваться в самостоятельную политическую партию и, как лозунг, должен выставить на своем знамени всеобщее, равное и прямое избирательное право. Он завоюет себе этим путем политические права, без которых немыслимо никакое удовлетворение классовых интересов. «Об'единяйтесь, — восклицает дальше Лассаль, — в Общегерманский Рабочий Союз для мирной и законной, но неутомимой и беспрерывной агитации в пользу введения всеобщего и прямого избирательного права во всех германских странах. С того момента, когда этот союз будет насчитывать у себя только сто тысяч рабочих, он явится такой силой, с которой придется каждому считаться».

Вот главное, что высказал Лассаль в своем «Гласном ответе». Все остальное имеет второстепенное значение, и совсем неважно, если что-нибудь не вполне выдерживает критики с современной точки зрения. Лассаль, конечно, не создал немецкое рабочее движение. Утверждать это было бы большим преувеличением. Рабочее движение уже существовало, как сказал сам Лассаль, но ему нехватало теоретического понимания и практического лозунга. И то и другое дал ему Лассаль, и это навсегда останется его неоспоримой заслугой.

После горячих прений Центральный Лейпцигский Комитет высказался 17 марта большинством шести голосов против четырех за провозглашенные Лассалем принципы и принял его «Гласный ответ» как манифест немецкого рабочего движения. Пролетариат Германии вступал на новую дорогу. Само собой разумеется, что прежде всего пришлось отказаться от с'езда с прежней программой и вместо него выдвинуть вопрос об основании рабочего союза в лассалевском смысле. От того, удастся ли и каким образом удастся вызвать к жизни такой союз, очень много зависел успех первых шагов движения на новом пути. Созванное Лейпцигским Комитетом рабочее собрание после бурных препирательств с прогрессистами также высказалось большинством 1.350 голосов против двух за программу Лассаля. Лейпцигский Комитет сложил свои полномочия и предложил выбрать новый для предварительных работ по основанию Общегерманского Рабочего Союза. В новый были выбраны почти все члены прежнего Комитета.

Вскоре после этого по настоянию Комитета в Лейпциг приехал Лассаль для личной защиты своих положений на открытом собрании. 16 апреля при бурном рукоплескании своих сторонников, прерываемый частыми свистками противников, Лассаль одержал свою первую крупную победу. Собрание всеми голосами против семи (группа прогрессистов от голосования воздержалась) высказалось за Лассаля. Тут же было назначено время, именно 23 мая, для с'езда будущих учредителей нового союза.

Прогрессистская партия в это время не дремала. Тактика рабочих по отношению к ней также определялась общей политической программой, выставленной Лассалем: всегда и во всем выступать как самостоятельная рабочая партия, независимо от прогрессистов, и только в вопросах, имеющих общий интерес, оказывать им поддержку. Буржуазия слишком хорошо понимала свои классовые интересы, чтобы примириться с этим, и прогрессисты подняли знамя самой ожесточенной борьбы против Лассаля и его друзей. По всей стране закипела агитация. Где только возможно было, созывались собрания и проводились враждебные Лассалю резолюции. Такая резолюция была, между прочим, принята 19 апреля, т. е. ровно три дня спустя после победы Лассаля в Лейпциге, на большом рабочем собрании в Берлине. Со страниц буржуазной прессы на Лассаля и его товарищей, членов нового Комитета, сыпались самые грязные обвинения. Рабочих старались уверить, что Лассаль продался Бисмарку, что он и новый Комитет играют на руку реакции. И надо сказать, что нарекания буржуазии находили в рабочих обществах благоприятную почву и что вначале враждебные Лассалю голоса звучали гораздо громче дружеских. Сочувственные отклики на «Гласный ответ» пришли только из Саксонии, Рейна и Гамбурга.

«Мы протягиваем вам, друзья из Лейпцига, свою руку, — писали гамбургцы от имени большого рабочего собрания, одобрившего постановления, принятые в Лейпциге, — и шлем вам сердечную благодарность, вам, принявшим в своей программе всеобщее и прямое избирательное право, за те усилия, хотя бы даже они были безуспешны, которые вы делаете, чтобы осуществить Общегерманский Рабочий Союз. Пусть наше признание вознаградит вас за те нападки, которые выпали на вашу долю. Если б нам и не удалось в настоящее время достигнуть того, что желательно вам и нам, все же за вами остается честь быть инициаторами движения, которое, мы твердо надеемся, не умрет, а создаст, хотя, быть может, и позднее, нечто великое».

Такая поддержка в состоянии придать бодрости при самых тяжелых обстоятельствах. Лассаль вместе со своими единомышленниками безраздельно отдался агитации

и напряг все силы, чтобы побороть враждебную волну. Он переезжает из города в город, говорит одну речь за другой, со всей силой развертывает свой ораторский талант и, одержав несколько блестящих побед над врагами, к назначенному сроку приезжает в Лейпциг. Здесь 23 мая 1863 г. основывается «Общегерманский Рабочий Союз».

На учредительном собрании присутствовало всего 12 делегатов от 11 городов, но и у них не все имели за собой большинства местных рабочих. Таким образом, при основании Общегерманский Рабочий Союз представлял собой очень незначительную часть всего пролетариата. Не того ожидал Лассаль. Он поставил себе целью пробудить классовое сознание пролетариата и массами втянуть его в политическую борьбу. Перед его умственным взором рисовались уже целые батальоны сознательных рабочих, об'единенных в один союз и представляющих из себя крупную политическую силу. Действительность давала не то. Горячее воодушевление, которое он так искусно вызывал на рабочих собраниях своим мощным словом, держалось недолго, и из тысячи слушателей в члены Союза записывались только сотни. Сознание рабочего класса пробуждалось, но пробуждалось гораздо медленнее, чем этого требовала пылкая натура Лассаля, и он горько жаловался в своих письмах на равнодушие и апатию рабочих масс.

Однако к осени, через три месяца упорной работы, в Союзе насчитывалось уже около 1000 членов. Это не были те массы, о которых мечтал Лассаль, но все же это был уже довольно значительный результат. Через год число членов упятерилось. Общегерманский Рабочий Союз разрастался. Он стоял на верной и хорошей дороге, и никакие превратности судьбы не в состоянии были его уничтожить. Предсказание честных гамбургцев, что только что начинающееся движение «не умрет, а создаст нечто великое», исполнилось. Общегерманский Рабочий Союз явился тем ядром, из которого выросла современная Немецкая Социал-Демократическая Рабочая Партия *. И эта партия давно уже переросла ту цифру, сто тысяч, которую назначал Лассаль в своем «Гласном ответе», чтобы явиться крупной политической силой, с которой «каждому придется считаться». Последние выборы в рейхстаг, происходившие 16 июня 1903 г., два месяца после того, как Немецкая Социал-Демократическая Рабочая Партия праздновала сорокалетний юбилей своего существования, наглядно показали, какой действительно силой она является в настоящее время. Силы немецкой социал-демократии так велики, что на очередь дня выступает уже вопрос об ее окончательной победе над буржуазным строем. Это вопрос самого ближайшего будущего, вопрос завтрашнего дня, утверждает Каутский, оценивая значение последних выборов в рейхстаг. Ее победа, говорит он дальше, стала настолько близкой, что сделалась предметом практической политики и является делом не только практически осуществимым, но и практически неизбежным.

---

* Нынешняя Немецкая Социал-Демократическая Партия образовалась в 1875 г. путем слияния лассалевского «Союза» с другой социалистической организацией («эйзенахцы»)[2], возникшей в 1869 г. и имевшей во главе Либкнехта и Бебеля.

[П. Смидович]

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. О Союзе Коммунистов — см. прим. 25 к № 42 «Искры».

Прим. 2. Эйзенахцы — социал-демократическая Рабочая Партия Германии. Образовалась на конгрессе в Эйзенахе (авг. 1869 г.) из рабочих союзов, во главе которых стояли А. Бебель и В. Либкнехт. Эйзенахский рабочий конгресс закрепил разделение германского рабочего движения на 2 части: лассальянцев и эйзенахцев. Основой для разногласия между ними являлся вопрос о характере национального об'единения Германии. Лассальянцы во главе с Швейцером относились одобрительно к политике Бисмарка, об'единявшего Германию под гегемонией Пруссии. Этому военно-бюрократическому об'единению эйзенахцы противопоставляли путь демократического об'единения через союз (конференцию) мелких и средних государств Германии. Другим вопросом, разделявшим обе партии, был вопрос о парламентской тактике: лассальянцы отстаивали «деловую» парламентскую работу, эйзенахцы стояли за использование парламентской трибуны в целях разоблачения господствующих классов и пропаганды идей социализма. На конгрессе в Готе (1875) обе части германского рабочего движения слились в единую партию под названием «Социалистической Рабочей Партии Германии».